Коловрат. Знамение

Автор:
Алексей Живой

Коловрат. Знамение

Алексей Живой

Историческая фантастикаКоловрат #1

Афганистан. Конец войны с моджахедами. Спецназ наводит порядок в примыкающей к Пакистану провинции Кунар. Во время погони за «Стингерами» Кондратий Львович Зарубин, потомственный казак и без пяти минут капитан спецназа 334-го Отдельного отряда специального назначения ГРУ, вместе со своими людьми попадает в ловушку. После взрыва в блиндаже, начиненном взрывчаткой, его дух переносится в прошлое. Очнувшись, он обнаруживает, что живет теперь в чужом теле. Здесь его называют Евпатий Коловрат. Он боярин и военачальник, который служит рязанскому князю Юрию. На дворе 1235 год от Р. Х. Остается еще пару лет до Батыева нашествия, во время которого содрогнется Русь, а Рязань будет сожжена первой. Пока кругом царит шаткий мир. Князья предаются междоусобицам. О татарах никто не слышал со времен битвы на Калке. И только один человек знает, что время терять нельзя. И что нужно делать, чтобы изменить судьбу.

Алексей Живой

Коловрат: Знамение

© Алексей Живой, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

Глава первая

Ночной штурм

Темное предрассветное небо прочертил огненный шар и с треском разбился о самый край высокой бревенчатой стены, разбрызгав языки пламени вокруг себя. Горящая жидкость плеснула во все стороны, окатив стоявших за зубцами ратников в кольчугах. С шипением потекла вниз по стенам крепости, поджигая все на своем пути. Охваченные огнем воины побросали дымящиеся щиты и кинулись тушить огонь, который уже разъедал их тела, проникая под одежду. С дикими криками двое кубарем покатились вдоль подмостков, пытаясь сбить огонь, а еще двое сиганули с крепостной стены вниз, в надежде на спасительный снег, укрывавший все улицы осажденного города. Но оба промахнулись. Один упал на телегу с оружием, раздробив себе ребра. А другой угодил прямо на острый частокол, выстроенный внизу на случай прорыва. С мерзким чавканьем отточенные колья пронзили насквозь тело ратника, обагрившего своей кровью снег, до которого ему не суждено было добраться. Уже мертвый, с остекленевшим взглядом, он словно все еще пытался дотянуться до снега, вытягивая руки последним усилием и продолжая гореть. Капающая на снег кровь его в безумных отсветах этого пламени казалась черной.

Высоко над ними прочертила небо новая волна огненных шаров. Перелетев стену, она накрыла город. Несмотря на снег, лежавший повсюду, огненным зарядам удавалось быстро поджигать деревянные постройки. Первый угодил на крышу купеческого дома, раскололся надвое и заставил вспыхнуть огромный терем. В отсветах огня заметались полуголые люди. Кто-то в ужасе бегал по двору, кто-то старался вытащить из дома еще не сгоревшее добро, не понимая, что скоро весь город охватит всепожирающее пламя.

Второй огненный гостинец упал на амбары возле Успенского собора, запалив припасы монахов. Третий ударил в колокольню, с которой над осажденным городом разносился гулкий звук колокола, призывавший на битву. Звон прекратился, а ошпаренные огненной жидкостью монахи с воплями посыпались

вниз. Такая же участь постигла и Спасский собор, все пространство вокруг которого тоже вскоре было охвачено пламенем. Казалось, нападавшие специально метили в храмы русичей, желая надругаться над их богом. Один величественный Борисоглебский собор стоял пока без урона. Лишь молчаливо зияла во тьме черная дыра на том месте, где была когда-то башня с колоколом, рухнувшая при недавнем землетрясении.

После начавшегося обстрела многие жители в панике разбегались по закоулкам. Самые смелые же, напротив, бросались в огонь, пытаясь тушить занимавшиеся церкви. Словно голодный огненный зверь, пожар быстро расползался по городу, слизывая деревянные строения одно за другим.

Почти все воины были на стенах, ожидая нового приступа. Изможденные непрерывной осадой, они вглядывались в предрассветную мглу, то и дело разрывавшуюся огненными всполохами. Миновал пятый день осады, и счет приступов пошел уже на десятки. Воины князя Юрия стояли насмерть, но силы оборонявшихся русичей таяли на глазах, а к нападавшим подходили все новые и новые отряды.

Следом за огненными шарами в воздухе засвистели тучи стрел, поражая защитников города, что искали укрытия за острыми зубцами. Высокая бревенчатая стена, утыканная уже сотнями таких стрел, спасала многих. Но атаковавшие город степняки были меткими лучниками. То и дело кто-то из ратников испускал резкий крик и, схватившись за шею или пораженный в бок, падал со стены вниз. А стрелы, невидимые в ночном небе, продолжали жалить, унося жизни русичей.

Неожиданно мощный удар сотряс занявшуюся стену, заставив ходить ходуном доски под ногами ратников. Когда сильнее разгорелся огонь, – занялась боковина у городской башни с главными воротами, – стало видно огромный таран, который нападавшие подкатили уже к самой стене. Смертоносное жало его было оковано блестящим металлом и более всего походило на голову барана или восточного чудища, изрыгающего огонь. Мост в главной башне был поднят, ворота крепко заперты, но за ночь глубокий ров оказался почти засыпан в этом месте бревнами и мерзлой землей до самого основания башни. По этой перемычке воины врага подкатили таран, который начал теперь методично разваливать стену. Новый удар сотряс ее до основания. Затем последовал второй. Третий.

Рядом, по обледенелому склону рва, карабкаясь по длинным штурмовым лестницам, ползли вверх сотни пехотинцев в кожаных доспехах. А с той стороны рва, выстроившись в линию, расположились лучники врага, посылая стрелы на головы русских витязей. Позади них перемещались небольшие отряды легкой конницы. Быстро передвигаясь вдоль всей крепости, они то и дело пропадали в предрассветной мгле. Основные силы ордынцев таились где-то там, во мраке, дожидаясь своего часа.

– Господи, сколько ж тут незваных гостей понаехало, – выдохнул с паром изо рта бывалый бородатый ратник, поправляя шлем кольчужной рукавицей, – бьем их, бьем, а они, словно тараканы, ползут изо всех щелей. А ну, Провор, задай-ка ближним жару. Покажи, что и у нас гостинцы имеются.

– Это мы разом, дядя Наум, – кивнул широкоплечий усатый воин в кожаной рубахе, отложив в сторону свой меч и алый каплевидный щит с набалдашником.

Затем, вместе с товарищем, он подхватил за боковые ручки чан с кипящей смолой, что висел на треноге в десяти шагах, и, осторожно ступая, приблизился к самому краю стены напротив тарана. Стрелы продолжали свистеть над их головами. Внезапный удар стенобитного орудия заставил ратников покачнуться. Смола в чане всколыхнулась, и несколько капель раскаленного зелья попало на рубахи. Не теряя больше времени, Провор ухватился за другую ручку, специально приделанную к чану с боку для такого случая, и подался вперед.

– А ну, – скомандовал он своему товарищу, – разом!

И они резко перевернули чан. Кипящая смола пролилась прямо на головы степнякам, уже раскачавшим таран для нового удара. Дикие вопли нападавших огласили окрестности главной башни. Наум, осторожно выглянув из-за зубца стены, увидел, как человек пять катаются у колес огромного стенобитного орудия, схватившись за черные от смолы головы. Еще трое обожженных воинов скатились в ров, остальные бросились назад, подальше от стены. Таран, облитый спереди смолой, прекратил терзать уже горевшую в нескольких местах стену крепости.

– А вы чего застыли, отроки, как заколдованные?! – рявкнул Наум на молодых ратников, столпившихся у края стены и глазевших на обожженных степняков, – хватайте ведра и бегом тушить пожар! Стена уже вон как занялась. Если огонь

разгуляется, недолго нам за ней прятаться.

Ратники кинулись с деревянными ведрами к бочке, что стояла тут же, рядом с треногой для кипячения смолы.

В этот момент Провор, чуть ли не по пояс перегнувшийся через стену, чтобы насладиться зрелищем ошпаренных степняков, распрямился и с гордостью крикнул:

– Видал, дядя Наум, как мы их тепло приняли?

– Видал, – кивнул мудрый Наум и едва открыл рот, чтобы приказать схорониться получше, как шальная стрела с чавканьем вонзилась в шею улыбающегося ратника и, пронзив ее насквозь, вышла снаружи. Кровь брызнула во все стороны. Провор оторопело взмахнул руками, потянулся ими к пронзенной шее, словно хотел выдернуть мешавшую дышать стрелу, харкнул кровью и рухнул вниз со стены, прямо на таран.

Его товарищ, стоявший в паре шагов, не успел ничего сообразить, как тоже получил стрелу в грудь. Пробив кожаную рубаху, наконечник вышел из спины. Ратник развернулся от удара, и тут же вторая стрела вонзилась ему уже в спину. Русич упал на колени, постоял так мгновение и распластался у стены, испустив дух.

– Лучники! – скомандовал Наум, делая шаг назад и прикрываясь щитом. – Ко мне.

А когда возле него образовалась шеренга из двух десятков молодцов с тугими луками, добавил:

– Троим метить горящими стрелами в таран, поджечь его надобно. А остальным – послать ответ степнякам, чтоб знали, на кого руку подняли.

Стрелы русичей, волна за волной, тотчас полетели на дальнюю сторону рва, дав отпор нападавшим. С десяток ордынцев, пораженных русскими стрелами, скатилось в ров. Остальные отступили назад. На некоторое время над стеной даже перестали свистеть вражеские стрелы. Но на стороне врагов была тьма. Их было едва видно в сумерках, ибо рассвет не спешил наступать. А вот за спинами

русских воинов уже разгорелся настоящий пожар. Языки пламени охватили добрую половину деревянных строений. И в отсветах пожара фигурки ратников, сновавшие по стене, были отчетливо видны нападавшим. Вскоре стрелы степняков вновь засвистели над шлемами защитников города.

Поджечь таран удалось лишь ненадолго. Заполыхавшее было пламя степняки быстро потушили, не считаясь с потерями от стрел русских лучников, что били почти в упор. Мертвых воинов, валявшихся под колесами стенобитной машины, безжалостно столкнули в ров. И, прикрываясь высокими деревянными щитами от хлеставших сверху стрел, придвинули таран еще ближе к стене. Вскоре новый мощный удар сотряс ее до основания. Настил под ногами ратников вновь заходил ходуном. Что-то затрещало, и несколько бревен из верхнего ряда, отколовшись, полетели вниз. Возникла брешь шириной с трех человек.

– Эх, расшалились, поганые, – с досадой проговорил Наум, поглядывая на копошившихся у тарана степняков сквозь прорези шлема, закрывавшего переносицу, – того и гляди, рухнет стена. А ну-ка, ребятушки…

Но не успел он отдать лучникам новый приказ, как справа, на соседнем участке стены послышались крики и раздался звон мечей.

– Доползли-таки, – сплюнул Наум, увидев, как сразу несколько зыбких теней перемахнули через край и оказались на стене, схватившись с ратниками. – Эй, лучники, бей влет дорогих гостей. Только своих не покалечь. Остальные за мной! Не дай им растечься по стене!

И подняв меч, первым устремился на подмогу соседям. Тушившие пожар на стене молодые ратники побросали деревянные ведра и, схватившись оружие, бросились за своим сотником.

Едва Наум преодолел дюжину шагов, как перед ним вырос словно из-под земли воин в меховой шапке с раскосыми глазами. В руках он держал саблю и круглый щит. Издав визг, похожий на боевой клич, степняк быстро взмахнул клинком снизу вверх, вознамерившись полоснуть шею русича, поскольку тело его было надежно прикрыто доспехами. Наум был вооружен гораздо лучше степняка. И Наум не зевал. Он отразил атаку щитом – клинок врага лишь скользнул по краю, – а в ответ мгновенно нанес колющий удар, поразив противника в плечо. Степняк взвыл, выронив саблю, а Наум тут же обрушил на него второй удар

сверху, вложив в него всю свою ненависть. Меч витязя рассек легкий кожаный панцирь и плечо нападавшего, едва не отрубив руку. А пока тот, обливаясь кровью, еще покачивался на ослабевших ногах между жизнью и смертью, Наум вновь резко взмахнул мечом. Срубил неприятелю голову, как кочан капусты. Рухнув на доски, окровавленная голова степняка подкатилась к ногам Наума, оставив за собой темную дорожку.

– Я тебя сюда не звал, – пробормотал витязь, – сам пришел.

Сплюнув в сторону, Наум пнул голову степняка сапогом. Та укатилась вниз по лестнице и быстро пропала в темноте, перекатываясь по ступенькам. Тело ордынца уже лежало замертво в трех шагах, плавая в луже крови.

В этот момент над ухом Наума просвистела стрела, пущенная своим же ратником. Едва успев отшатнуться – он уж решил, что свои хотели лишить жизни, – сотник увидел, как второй степняк застыл в двух шагах с поднятой саблей в руке. Стрела пробила ему грудь. Оттолкнув в сторону мертвеца, Наум двинулся дальше на шум сечи, куда уже устремились, обгоняя его, молодые ратники. Они схватились с пятью степняками, двое из которых махали топорами не хуже русичей, привычных к такому оружию.

– Сколько ж вас тут сегодня собралось, – зло крикнул Наум, воткнув одному из них ловким ударом меч в подбрюшье, – только успевай подарки раздавать.

Выдернув окровавленный клинок, он краем глаза заметил бойца, который только показался над стеной, едва успев схватиться ладонью за ее край. В другой руке степняк держал саблю, а за спиной виднелся перекинутый на ремне щит.

– Тебя я тоже в гости не звал, – рявкнул сотник и хлестко рубанул по краю стены, отсекая врагу кисть. С истошным воплем, блеснув окровавленной культей в отсветах полыхавшего пламени, степняк рухнул вниз. Он упал прямо на головы своим соплеменникам, что ползли вслед за ним по штурмовой лестнице, увлекая всех за собой. А его отрубленная кисть так и осталась на стене, вцепившись мертвой хваткой в навершие заточенного бревна.

Не успел Наум сделать шаг в сторону своих отроков, которые добивали проникших на стену ордынцев, как заметил край еще одной приставной лестницы, появившейся из мрака. Сотник шагнул к ней и разящим ударом

расколол надвое череп поднимавшегося степняка, даже не заметив его лица. А затем, оглядевшись по сторонам – рядом не было никого, кто мог бы напасть, – приставил оружие к стене и схватился за край лестницы, снабженной захватными крюками. Наум поднапрягся, оторвал ее от края стены и оттолкнул, отправив в полет всех, кто уже полз по ней наверх. Сдавленные крики из темноты были ему ответом.

– Ну, вот и еще десяток приговорили, – радостно выдохнул Наум, подхватывая свое оружие и вновь бросаясь в самую гущу схватки. Прошло совсем немного времени, как Наум и его молодцы добили почти всех, кто залез на стену в этом месте. Сотник уже собрался отдать приказ вернуться к пролому и продолжать атаковать таран, но внезапно дальше по стене раздались новые крики и звон оружия, а затем и за спиной Наума послышалось то же самое. Там, где таран раскачивал стену, ордынцы исхитрились приставить лестницу и ворвались сквозь пролом наверх. Лучники, быстро развернувшись, встретили их меткой стрельбой и пока сдерживали, но те все лезли и лезли.

– Мало нас, – огорчился Наум, быстро оглядываясь по сторонам в поисках решения. Враги продолжали наседать со всех сторон. Вдалеке вновь послышался шум атаки и звон оружия – новый отряд захватчиков взобрался на стену в сотне шагов. Заполыхала вторая башня. Стена у пролома разгорелась пуще прежнего, пока русичи отбивали нападение, перестав ее тушить. Дымом от пожара заволокло почти всю стену у главной башни, здесь стало трудно дышать и почти невозможно рассмотреть врагов.

Вдруг стену тряхнуло так, что Наум едва не упал. В десяти саженях от него в край стены врезался огромный камень. Он раскрошил зубцы и смел с нее всех, кто дрался в этом месте. Трое ратников отправились к праотцам, превратившись в кровавое месиво. Людские кости смешались с деревянными обломками стены и просыпались вниз. Причем вместе со своими врагами. Стрелявшие не жалели даже своих воинов и посылали заряды в темноту не разбирая, лишь бы сломить сопротивление защитников города.

Второй удар пришелся ниже, стена содрогнулась и затрещала. Наум упал на одно колено. Еще несколько камней тяжело просвистело над стеной и обрушилось на крыши городских домов, превращая их в щепки. Один камень угодил в горящий дом, довершив его разрушение, – головешки разлетелись во все стороны, пришибив несколько метавшихся рядом людей. Они так и остались лежать в снегу, придавленные дымящимися бревнами.

– Пороки[1 - Пороки – камнеметные орудия, катапульты.] подтянули, – сплюнул Наум в сердцах, – не удержать нам более стену.

И повторил, словно объясняя сам себе:

– Мало нас.

Он встал с колена, опершись на меч. Огляделся. Дым отнесло в сторону. Вокруг него сгрудился десяток лучников и несколько оставшихся ратников. Почти все, кем он командовал на стене, погибли за несколько дней осады. Новый удар – на сей раз тарана – сотряс крепостную стену до основания. Раздался треск, и от нее отвалился еще один кусок. Бревна рухнули вниз, придавив несколько воинов, спешивших на подмогу к защитникам. В месте образовавшегося пролома осталась едва ли половина высоты стены. И сотник понимал, что она выдержит от силы еще несколько ударов.

Наум перевел взгляд на городские улицы. Там, чуть поодаль, напротив башенных ворот, гарцевал на боевом коне облаченный в сверкающую бронь князь Юрий Игоревич[2 - «Повесть о разорении Рязани Батыем» ошибочно называет рязанского князя Юрия Ингваревичем. У него был старший брат – Ингварь Игоревич. По одной из версий – погибший в 1235 году, еще до нашествия Батыя. Однако подтверждающих это фактов нет. Согласно той же «Повести» именно с Ингварем Игоревичем Евпатий Коловрат находился в Чернигове в момент нападения врагов на Рязань уже в 1237 году.Но сам Ингварь также иногда упоминается в источниках с отчеством Ингваревич. Существует известная историкам проблема – был ли у Ингваря Игоревича сын Ингварь Ингваревич? Является ли Ингварь Игоревич одним лицом с приписываемым ему сыном, который часто упоминается в связи с событиями в 1237 году? По мнению большинства исследователей, здесь имеет место «династический фантом». Большинство историков «сына» Ингваря Ингваревича либо не признаёт, либо отождествляет с его отцом.Учитывая все вышесказанное, в данном романе оба князя, Юрий и Ингварь, носят отчество Игоревичи.]. Выстраивал рать, чтобы дать последний бой захватчикам на улицах города. Удивился Наум князю, но понял, одобрительно покачав головой.

Три кремля было в Рязани, три города. Первый – великокняжеский. Тот стоял на высоком северном холме, возвышавшемся над обрывистым берегом Оки, где в нее впадала речка Серебрянка. Кроме реки, хранили его глубокие рвы со всех

сторон. Был не тронут еще огнем княжеский кремль. Мог бы Юрий Игоревич там запереться, да осаду еще долго держать, но не стал.

С востока к великокняжескому кремлю примыкал Средний город, где вся знать служилая и торговая обитала. Там стояли церкви, там был дом и самого Наума, где жена с детишками прятались. Этот город уже горел местами, разрушенный пороками и подожженный огненными шарами степняков. Но свой дом еще мог разглядеть сотник, старавшийся прогнать от себя прочь мысли о том, что будет с женой его и дочками, когда степняки ворвутся сюда. А самый большой город, Столичный, где жил остальной люд, был окружен третьей крепостной стеной, южную часть которой держал сотник Наум. И держать дальше уже не мог.

– Вниз идем! – приказал Наум, набрав в голос твердости. – Князю помогать будем. Здесь более не устоим.

И добавил:

– Лучники, спину держать!

Подняв оружие, Наум двинулся вниз по лестнице на соединение с воинами князя. Пропустив вперед меченосцев и развернувшись, лучники пустили еще с десяток стрел в сторону пролома. Выиграв время, они устремились вдогонку за своим сотником, оставив стену ордынцам.

Глава вторая

Средний город

Пробравшись между амбарами, примыкавшими к главной стене, Наум с горсткой своих воинов оказался на площади. Дорога от башенных ворот, что вела в Средний город, сходилась здесь вместе с несколькими улочками. А все пространство между внешней крепостной стеной и стенами Среднего города было застроено домами ремесленников разных мастей, мастерскими и амбарами. Площадь у башни окружали лавки. В мирное время здесь шла бойкая торговля. Сейчас же все было заколочено. Все, кто не сбежал и не воевал с

оружием в руках, попрятались в домах и церквах, молясь о спасении. Часть домов и лавок уже была обращена пороками степняков в груду перемолотых бревен, остальные горели. Та же картина наблюдалась во всех кварталах.

Оказавшись с горсткой своих воинов возле князя, который уже выстроил войско из конных ратников и пехотинцев, Наум поклонился.

– Не удержать нам здесь более стену, княже, – сообщил он, выдохнув пар в морозный воздух, – не гневайся. Сдержали, сколь смогли.

– Вижу, пять дней справно бились, и то ладно, – коротко кивнул Юрий Игоревич, посмотрев на стену, вдоль которой уже не таясь сновали степняки, но еще малым числом. Затем князь вновь перевел взгляд на сотника и спросил, оглядев его малочисленных спутников:

– Все, кто остался?

Наум кинул.

– Будешь на правом краю биться. Бери половину моих пеших ратников под команду и держись. Отбросим ордынцев в пролом. Если не сдюжим, отойдем и будем Средний город держать. Авось успеет Ингварь с Евпатием и подмогой из Чернигова подойти.

Наум кивнул в ответ и окинул взглядом оставшееся в распоряжении князя войско. Здесь было конных витязей не более полусотни, за ними стояло еще несколько сотен пеших ратников, запрудив улицу. Все прочие находились на стенах в Среднем городе и кремле княжеском. Но осталось их немного, за пять дней бессменной осады почти всех прибрала смерть к рукам. А степняков за стеной счет шел на многие тысячи. Оставалось только и надежды на князя Ингваря с воеводой и дружиной помощников из Чернигова.

Не успел Наум додумать все это, выстраивая своих оставшихся ратников позади конных на правом краю, как раздался страшный треск, и стена возле башни рухнула под ударами тарана. Не успела древесная пыль опуститься, как пролом осветился ярким пламенем – то засверкали факелы в руках степняков, – и сотни их хлынули в город, словно огненное чудовище. «Ворвался зверь», – мрачно подумал Наум, покрепче сжав рукоять меча.

– Пришло время умереть за землю нашу! – крикнул князь Юрий, перекрывая шум от катившейся на него волны степняков, вскинул меч и поскакал вперед, увлекая своих всадников на пешее воинство врагов.

Князь первым достиг степняков и врубился в их ряды, отсекая головы в меховых шапках. Вслед за ним ударили его конные витязи, опрокинули и остановили центр нападавших. Они топтали ордынцев конями, люто секли мечами, отрубали головы, руки с саблями и факелами. И почти отбросили врага обратно за стену, усеяв трупами мерзлую землю. Залили кровью степняков весь снег на площади, сделавшийся черным в предрассветных лучах солнца. Но, отступив назад в центре, растеклись степняки по окрестным улочкам и охватили отряд княжеский по краям, продолжая наседать. Над головами сражавшихся свистели камни, пущенные из пороков, и стрелы, тысячами сыпавшиеся на город. А из пролома, вслед за пешими ордынцами, вдруг показались конные воины в тяжелых доспехах и ударили на дружину князя.

Силен и умел в бою был Юрий Игоревич. Многих степных богатырей своей рукой приласкал, жизни лишив. И еще больше дружина его покосила. Бились они так до тех пор, пока рассвет не наступил, и не позолотили лучи солнца маковки церквей, вокруг которых давно бушевал пожар. Лишь тогда, изрубив весь конный отряд степняков, оглядев оставшихся в живых и насчитав уже меньше половины, отступил князь от ворот к пешим ратникам.

В это время подскочил к нему гонец от сотника, что охранял западную стену.

– Князь, – крикнул он, перекрывая звон сечи, – пали Борисоглебские ворота. Прорвались и там ордынцы. Собор грабят. Монахинь сильничают.

– Держи эту дорогу, покуда сможешь, – приказал Юрий Науму, – а потом отходи к воротам в Средний город. Не удержаться нам здесь более.

Ускакал князь сквозь расступившихся ратников, прихватив с собой сотника Белояра и половину пехотинцев. Едва сомкнулись алые щиты оставшихся воинов, как из пролома вновь полезли степняки. То были опять пешие воины, но на сей раз новый отряд – в тяжелых доспехах, не уступавших броне русичей. Оглядел Наум свое поредевшее воинство и махнул рукой лучникам.

– Бей ворогов!

Тут же полетели стрелы в толпу ордынцев. Как ни метко стреляли русичи, но вскоре первые степные воины, пробравшись сквозь курганы мертвых тел на площади, ударили в самый центр русских порядков. Стали теснить их. А из пролома выбирались все новые и новые ордынцы. Сам Наум, что впереди своих воинов был, принял удар меча ордынского на щит и, отведя его, нанес свой. Метко ударил, в самое сердце, пробив прочный кожаный доспех с нашитыми на груди пластинами. Харкнул кровью широколицый воин и рухнул под ноги сотнику. Но на его месте тотчас возник новый. И того Наум изрубил на куски. Третий появился. Наседали ордынцы сильно, шли по своим же мертвецам, затоптав даже раненых, на коих никто не смотрел.

Долго стоял на месте отряд Наума, перемалывая врага, выгибаясь и медленно пятясь назад под непрерывным натиском, словно закованная в панцирь серебристая змея. Уже солнце на небосводе почти в самый верх поднялось. Но когда осталось от ратников не более трети, а гонцы донесли, что не только Борисоглебские ворота, но и Ряжские с Оковскими в руках неприятеля оказались, понял Наум, что ждать далее нельзя. Уже полгорода Столичного степняки захватили. Промедлить немного – и путь к Среднему городу отрежут. Приказал отходить.

Отбиваясь от наседавших ордынцев, отошел отряд сотника под самые ворота в Средний город. Здесь вновь увидал Наум князя Юрия, что проскакал мимо него с дюжиной конных воинов, а пеших с ним вообще не было.

Махнул рукой князь Науму, мол, «заходи в стены и запирайся. Будем здесь оборону дальше держать». Успел при этом заметить Наум, что ранен был князь Юрий. Намокла от крови алая накидка на левом плече.

Едва успев затворить ворота перед напиравшими ордынцами, Наум поднялся на стену Среднего города и, расставив людей по местам, взобрался еще выше на башню. Огляделся. Пожар поглотил уже больше половины ремесленных дворов, всю округу заволокло дымом, который изредка разгонял поднявшийся ветер. Другая часть построек была разрушена камнеметными машинам. Две церкви в Столичном городе горели. Почти везде уже хозяйничали ордынцы. Со стен было видно, как они отлавливали не успевших скрыться за стенами Среднего города людей и рубили их походя на куски, расстреливали из луков, забавляясь. Увидал со своего места на башне Наум, как опьяневшие от крови степняки убивали

монахов Спасского собора. Ворвались внутрь, выволокли всех на мороз и стали приколачивать их к стенам домов, распиная как на кресте. А затем набросились на монахиню, что пыталась сбежать от них. И, содрав с нее одежды, за волосы затащили по снегу обратно в собор. Ее дикий крик, донесшийся даже сюда, заставил Наума содрогнуться. Он невольно обернулся и посмотрел в сторону своего дома, небольшого терема с резной башенкой, до которого было уже рукой подать.

– Где же Ингварь с Евпатием и подмогой, – пробормотал себе под нос Наум, теребя бороду, – поспеют ли, пока нас всех не перебили?

Ответом ему был гулкий удар в башенные ворота – это степняки дотащили свой таран уже сюда. Сотник спустился с башни на стену и принялся за свое ратное дело. Надо было управлять обороной Среднего города, стена которого была почти на треть ниже главной. На ордынцев вновь полилась смола, полетели камни и стрелы. Все, кто был в городе, мужики и даже бабы, рвались на стены, чтобы помочь осажденным. Наум разрешил, рассудив, что если эту стену не сберечь до подхода помощи, то в княжеском кремле всем не отсидеться. Да и сам князь был здесь же. Хоть и ранен, а смотрел с башни за штурмом. Шлем снял, от стрел не прятался. Но сотник понимал, что это не от глупого геройства, а чтобы людям своим показаться. Когда сам князь здесь, и у остальных сил для битвы прибавляется.

Короток зимний день. Бой шел до самого вечера. Ближе к сумеркам ордынцы почти одновременно взобрались на стену в нескольких местах, проломили ворота и ворвались в Средний город. Защитников осталось к тому времени не более двух сотен. Юрий Игоревич велел отступить со стен и с боем идти к своему кремлю. Приказал всех людей, кто был в Среднем городе, отправить в княжеский кремль, хоть и понимал, что поздно уже. Степняки, пробившись через Спасские ворота, перекрыли путь к мосту через ров.

– Дорогу я пробью, – сказал князь, надевая шлем и стиснув зубы от боли в плече, – а ты всех людей собери и за мной пускай, а сам держись сколько сможешь. Все другие сотники полегли уже, один ты остался.

– Сделаю, княже, – мрачно кивнул Наум.

Князь ускакал с отрядом конных ратников, коих было уже не больше трех дюжин. А Наум отправил гонцов по окрестным домам, чтобы людей выводили на центральную улицу, что вела в сторону княжеского кремля. И к себе домой гонца отправил, для надежности самого толкового из своих людей – лучника Данилу, чтобы жену Аксинью предупредил и поторопил. Дом Наума аккурат посередине стоял меж стеной Среднего города и воротами в княжеский кремль.

Остальные воины его, которых едва полсотни набралось, спускаясь со стен, ручейками стекались к основному отряду. Этот последний отряд сдерживал натиск ордынских пехотинцев у ворот, перегородив главную улицу меж домами, и пятился по ней назад под градом стрел. Отовсюду, повинуясь княжескому приказу, на дорогу выходили люди. Много семей было с детьми и стариками. Скарба никто не брал, дороже жизни нет у русского человека ничего. Хоть у купца, хоть у крестьянина.

– Бегите! – кричал им Наум сквозь лязг оружия. – В сторону кремля. Князь вас примет!

Люди, как могли, бежали к мосту через ров, где шла жестокая сеча между ратниками. А Наум оборонял их бегство, сдерживая наседавших степняков. Пока он бился с пешими. Но вдруг из ворот показался отряд ордынских конников. Это были тяжеловооруженные воины в шлемах, длинных латах, юбкой спускавшихся до колен, и с копьями в руках. На лошадях тоже были защитные попоны, обшитые пластинами. Глядя на них, Наум сердцем почуял, что дело плохо. Блестя броней в лучах предзакатного солнца, они протекли сквозь захваченные ворота и разделились на три потока. Центральный ударил на отряд Наума, почти сразу опрокинув обессиленных воинов. Два остальных двинулись вдоль захваченных стен в обход ратников и с обеих сторон обрушились на горстку конных витязей, среди которых бился Юрий Игоревич, уже почти прорубивший себе дорогу в спасительный кремль.

Словно бурный поток налетели ордынцы на русичей и поглотили всех. Наум лишь успел заметить, как Юрий Игоревич отсек голову одному из ордынских богатуров, а второго в ярости разрубил до седла. Но третий налетевший всадник пронзил грудь князя длинным копьем, сбросив его под ноги коню. Пропал князь в этом месиве людей и коней, а вслед за ним исчезли все до одного алые плащи русских витязей. Остались видны лишь доспехи ордынцев.

– Прощай, князь, – пробормотал ошеломленный Наум.

Но и его дела были не лучше. Мощным ударом степняки смяли оставшихся ратников и рассеяли их. Воины смешались с людьми, все еще бежавшими в сторону княжеского кремля. Всяк бился, как мог, погибая на месте. Атакующие ордынские всадники кололи всех без разбора, убивая бегущих женщин и стариков. На глазах Наума неподалеку от него один всадник поразил копьем в спину бежавшую женщину, которая прижимала к груди младенца. И поскакал дальше. Та упала, охнув. Но только оказавшись на мостовой в луже собственной крови, выпустила из рук ребенка. Младенец откатился от нее на шаг и закричал от страха. Следующий всадник походя пригвоздил ребенка копьем к доскам мостовой, заставив того замолчать навеки. Увидев это, Наум впал в бешенство.

Он подскочил сзади к всаднику и нанес удар в бок своим мечом. Ярость придала ему силы. Меч прошел в щель между латами и достиг сердца. Степняк рухнул вниз замертво, а Наум, не теряя ни мгновения, прыгнул в седло и, не оборачиваясь, погнал ордынского коня в сторону своего дома. Несколько стрел просвистело мимо, не задев сотника. Миновав несколько домов по пустой еще улице, он оказался у крыльца своего терема с резной башенкой. То, что он увидел, заставило закаленного воина содрогнуться.

На крыльце лицом вниз в луже крови лежал мертвый Данила, на спине которого зияла рана. Чуть поодаль от него трое мертвых степняков из пеших отрядов со стрелами в груди. Дверь в терем была распахнута. Оттуда доносились звуки борьбы и крик Аксиньи. Спрыгнув с коня, Наум в ярости ворвался в терем и увидел страшную картину. Две его любимых дочери, которым не исполнилось еще десяти годков, лежали на мокрых от крови досках, рассеченные почти пополам. Они даже не успели одеться и умерли в исподнем. А трое ордынских пехотинцев, отбросив оружие, насиловали его жену в углу на полатях. Лестница наверх терема мешала ему видеть лицо жены. Со своего места сотник разглядел только разорванный сарафан и разметанные волосы Аксиньи, которая истошно кричала и царапалась, но это только забавляло насильников. Двое держали ее, а третий, сбросив штаны, ритмично двигал задницей и хохотал от удовольствия.

Ордынцы были так увлечены, что не заметили ворвавшегося сотника. А когда заметили, было поздно. Наум зарычал и бросился вперед. Тому, кто первым покусился на честь его жены, он вогнал меч в спину, проткнув насквозь. А потом сдернул его полумертвое тело с жены и, развернув, полоснул лезвием промеж ног, отсекая поганый орган. На усатом лице насильника застыло удивление, быстро сменившееся дикой болью и ненавистью. Он умер, успев сообразить, за что и кем наказан. Двое оставшихся отскочили в стороны, но не успели

дотянуться до оружия. Того, что был справа, сотник ослепил ударом в лицо, выколов глаза. Сломав переносицу, клинок пробил череп насквозь. Не дожидаясь, пока упадет тело, Наум рубанул по затылку третьего степняка, который в этот момент развернулся, чтобы схватить стоявший чуть поодаль клинок. Но не успел. С раскроенным черепом рухнул под ноги Аксиньи.

Покончив с ордынцами и отбросив свой меч, Наум упал перед ней на колени.

– Аксиньюшка, – проговорил он, протянув руки к растерзанной женщине, которая, забившись в угол, смотрела на него безумными глазами, – прости. Не уберег.

– На… ум, – прохрипела она, наконец, подняв глаза куда-то вверх.

И в этот момент он услышал за собой едва различимый шорох. Скрипнула ступенька на лестнице. Сотник дернулся к мечу, но ордынский клинок уже вошел ему в спину, прошив кольчугу насквозь. Наум застонал от резанувшей все тело боли, развернулся, чтобы дать ответ, но получил второй удар острием в грудь и упал спиной на полати, уткнувшись затылком в ноги своей жены.

– Где же Ингварь с подмогой, – еле слышно прохрипел, харкая кровью, Наум, – поспеют ли?

И отдал богу душу.

Это было последнее, что услышала Аксинья, прежде чем на ее голову обрушилась ордынская сабля.

Глава третья

Форма одежды № 8

Прищурив правый глаз, в который светило медленно опускавшееся солнце, Кондрат Зарубин поправил усы и скользнул взглядом по изломанной линии гор, кое-где расцвеченной пожухлой зеленкой. Затем спустился еще ниже, по

выстроенным рядком БМП-2[3 - БМП-2 – советская и российская гусеничная боевая машина пехоты, предназначенная для транспортировки личного состава армии к переднему краю, повышения мобильности, вооружённости и защищённости пехотинцев на поле боя.], и, наконец, перевел взгляд на своих подчиненных. Перед ним стояло сегодня целых тридцать два человека – сводный отряд, сформированный из третьей и четвертой разведгрупп первой роты. Буквально час назад Кондрату неожиданно поручили возглавить этот отряд для выполнения особо важного и, как всегда, срочного задания командования.

Большинство бойцов отряда служили давно и были опытными воинами, которым полагалось знать все правила и уставы, но их форма одежды даже отдаленно не напоминала единообразие. Появись здесь хоть одна птица высокого полета из Кабула, не сносить бы офицерам головы. Там, наверху, очень любят, чтобы форма одежды была в порядке. «Хорошо еще, что это самое командование их сейчас не видит», – промелькнуло в мозгу Зарубина.

Старлей вздохнул, оглядывая амуницию бойцов, и подумал кое-что не очень душевное о тех, кто разрабатывал ее для советского спецназа. Затем опять посмотрел в сторону гор, явно не торопясь отдавать приказ к выступлению. Время еще было.

От горных хребтов, со всех сторон подступавших к Асадабаду, даже в сумерках еще парило – камни, раскаленные на солнце, медленно отдавали накопленное за день тепло. Но тепло в горах штука обманчивая. Едва солнце опустится за такой близкий горизонт, сразу станет прохладно – закон гор. И нужно будет думать уже о том, как не замерзнуть ночью. Но поскольку сегодня ночью предстояла активная движуха, то такая перспектива абсолютно не пугала Кондратия Зарубина – старшего лейтенанта спецназа 334-го Отдельного отряда специального назначения ГРУ[4 - 334-й Отдельный отряд специального назначения ГРУ – реально существовавшее боевое подразделение спецназа ГРУ, одно из лучших в Афганистане, покрывшее себя славой в боях против моджахедов провинции Кунар. Однако все имена офицеров и солдат, а также детали боевых операций изменены автором романа и никакого отношения к реальности не имеют. Все совпадения случайны.], которого, согласно всем секретным картам Генштаб, а в природе не существовало. А условно существовал вместо него пятый отдельный мотострелковый батальон, к которому все местные бойцы официально и были приписаны. Кондрату выпало в этой жизни командовать третьей группой первой роты этого боевого

подразделения, успевшего прославиться своими дерзкими рейдами, которые нередко выходили за пределы карты Афганистана. В ответ на зверства «духов» 334-й отряд спецназа ГРУ наводил ужас на моджахедов. Происходило это с тех самых пор, как егеря обосновались в небольшом городке со звучным названием Асадабад, от которого до границы сопредельного государства было километров пятнадцать. И стали наводить порядок в примыкавшей к Пакистану провинции Кунар, совершая налеты на караваны и укрепрайоны «духов».

Кондратий взглянул на выложенные в ряд на сухой земле рюкзаки, набитые под завязку разнообразными припасами, от патронов до сухого пайка, затем вновь осмотрел амуницию своих подчиненных. Начал с того, что вперил свой командирский взгляд в крайнего бойца из третьей группы, представлявшего собой просто образец нарушения всех законов формы одежды советской армии. Это был рядовой Семихватов, коренастый парень, пулеметчик, при случае умевший обращаться и с АГС-17[5 - АГС-17 «Пламя» – 30-мм автоматический станковый гранатомёт.].

Начал осмотр обмундирования Кондратий снизу вверх – с ботинок. Отличные были ботинки, надо сказать, хромовые, парадно-выходные[6 - Обувь всегда была «больным вопросом» для советских спецназовцев в Афганистане. Они часто носили хромовые парадно-выходные ботинки, но не от красивой жизни, а потому что снашивали по 2–3 комплектам обуви за год, тогда как норма была всего лишь 1 комплект на 8 месяцев. Именно поэтому спецназовцы, когда могли, заменяли ботинки прочными отечественными кроссовками «Кимры», купленными в Военторге, или даже захваченными у моджахедов трофейными ботинками. Руководство смотрело на такие вольности сквозь пальцы, оправдывая это результативными действиями спецназа.]. Продолжил штанами с очень удобными накладными карманами, от летнего полевого хэбэшного обмундирования «нового образца», или «экспериментальки», как ее называли меж собой разведчики. Скользнул взглядом по пятнистой куртке от маскхалата, явно перешитой для удобства местными умельцами из цельного комбинезона. Затем по видневшейся в районе шеи тельняшке – что в Афгане была гордостью только спецназовцев и десантников – и закончил панамкой, единственным предметом, не нарушавшим ничего. Впрочем, также не без гордости подумал Кондратий, в обмундировании его подопечного как раз не хватало еще двух предметов, по которым душманы издалека определяли советских солдат. А именно: металлической каски и бронежилета, которые был обязан носить весь контингент советских войск в Афганистане. А вот спецназу официально давалась такая привилегия – воевать без каски и бронежилета, – вызывавшая зависть у всех остальных родов войск, расквартированных в этой богом забытой

стране.

– Это что такое, Семихватов? – наконец открыл рот и для проформы пожурил воина Кондратий, осмотрев обмундирование, собранное из всех возможных форм одежды и даже дополненное кое-чем от себя.

– Форма одежды номер восемь, товарищ старший лейтенант, – пошутил боец, – что имеем…

– …то и носим… – закончил за него Зарубин, слегка нахмурившись, – оно, конечно, понятно…

И, слегка сдвинув свою панамку назад, так как южное солнце уже начало падать за ближайший хребет, уточнил:

– У старшины на складе что, полного комплекта «экспериментaлки» для тебя не нашлось?

– Да, понимаете, товарищ старший лейтенант, – начал мямлить боец, закатив глаза к небу, – комплект, конечно, есть. Штаны знатные с удобными карманами. Запихнуть можно что угодно, хоть карту района в пакете, хоть хлеба кусок, хоть магазин с патронами, если в сумке места не хватит. Их я надел. Но вот куртка у нее… в камуфляже сподручнее по горам бегать. Да мне еще пулемет надо тягать на плече, а там погоны пришитые мешают… Ну, а ботинки еще неделю назад, после налета на караван недалеко от Асмара, рассыпались на ошметки. Пришлось парадные надеть.

– Ладно, Василий, – закончил показательные выступления Зарубин, еще раз про себя недобрым словом помянув тех, кто продумывает снаряжение для разведчиков и рассчитывает всевозможные нормы выдачи от количества ботинок на год до количества патронов на один боевой выход, – ты, главное, пред светлые очи высокого командования не попадайся, а то взгреют и меня, и ротного, и всех остальных офицеров за ваш внешний вид.

– Так точно, товарищ старший лейтенант, – делано вытянулся пулеметчик, а затем добавил, хитро прищурившись: – Только оно же, вышестоящее командование, сами знаете, к нам редко наведывается. Так что вам бояться нечего.

– Успокоил, – простив небольшую дерзость своему бывалому пулеметчику, кивнул старлей и перевел взгляд на соседнего бойца, обутого вместо штатных высоких ботинок в отечественные кроссовки марки «Кимры». – Ну а ты, Галиулин, тоже подошвы стер? Или какой приказ вышел новый, о котором я не слышал?

– Никак нет, – ответил не мудрствуя рядовой Галиулин, служивший радистом, и ухмыльнулся всем своим смуглым лицом, – ботинки берегу, товарищ старший лейтенант. Просто в кроссовках по горам скакать удобнее. Да и прочные они. Проверено.

Выше неуставных кроссовок этот боец был полностью одет в хэбэшную «эксперименталку», даже на голове его виднелась кепка установленного образца, а не панамка. А потому старший лейтенант Кондратий Львович Зарубин остался довольным и больше к радисту с вопросами не приставал, переключив свое внимание на остальных. Положа руку на сердце, он должен был признать, что традиция спецназа ГРУ смешивать все формы одежды, укоренившаяся в этих войсках задолго до его появления здесь, была удивительно живучей. А при попустительстве ближайших отцов-командиров, отлично понимавших, что такое реальный бой и какую роль в нем играет удобная амуниция, никто из бойцов и не собирался соблюдать форму одежды[7 - Практически полное отсутствие единообразия формы одежды у спецназа в Афганистане вызывало постоянную критику со стороны вышестоящего командования.]. Из тридцати двух разведчиков ближе всех к указанной форме оказался сегодня улыбчивый Галиулин, одетый в «эксперименталку», и еще снайпер Витя Строгий, на котором красовался только камуфляж, укрывавший его с ног до головы.

Все остальные имели смешанное обмундирование, в котором находились элементы всех известных на сегодня форм одежды советской армии. Был здесь «камуфляж», была «эксперименталка» с многочисленными карманами. У нескольких бойцов имелась даже «прыжковка», которую в Афгане прозвали «песочкой». В этой удобной для ношения форме совершались учебно-тренировочные прыжки с парашютом. У пары бойцов разглядел Кондратий элементы «горного обмундирования», правда, без зимних свитеров и курток, все же август месяц еще стоял на дворе, а потому у многих ввиду теплой погоды от «горняшки» были сейчас только горные ботинки с высокими берцами и триконями.

Но и это было еще не всё. У двоих бывалых вояк из четвертой группы, стоявших сейчас на правом флаге, – старшего сержанта по фамилии Рябоконь, подрывника по профессии, и Азамата Кундурова, его друга и снайпера по совместительству, старший лейтенант Зарубин увидел даже КЗС – «Костюм защитный сетчатый». Этот костюм входил в комплект индивидуальной защиты военнослужащих советской армии и был предназначен для одноразового применения на местности, которую враг мог бы заразить отравляющими или радиоактивными веществами. Состоял этот КЗС из вполне себе удобной хлопчатобумажной куртки с капюшоном и не менее удобных широких шаровар. Обладал отличной воздухопроницаемостью и пользовался большой популярностью среди всего личного состава Ограниченного контингента. Летом под КЗС надевалось лишь нижнее белье, а зимой гораздые на выдумку бойцы натягивали его поверх снаряжения. Но, не из страха, что «моджахеды» применят яды, а просто для утепления. Холодно зимой в горах. Вот и получалось, что эту удобную, но задуманную одноразовой вещь химической службы бойцы таскали до тех пор, пока она не рассыплется в прах. А поскольку служила она действительно недолго, то была нарасхват и постоянно в дефиците.

«Хорошо хоть еще сегодня на войну в своем идем, не таясь, – подумал с некотором облегчением командир сводного отряда, – а то пришлось бы еще афганские шмотки надевать для глубокого рейда. Хотя, надо признать, пуштунка на голове хорошо сидит. Не слетает, даже когда садишь по моджахедам из пулемета».

На этом он закончил осмотр обмундирования и хотел было перейти к оружию, но вновь встретился взглядом с улыбчивым Галиулиным и уточнил:

– Аскер, как у тебя со связью, порядок? Все подготовил, что понадобится?

– Как приказывали, товарищ старший лейтенант, – кивнул Галиулин в сторону кучки радиостанций разных видов, лежавших пока на плащ-палатке и еще не расфасованных по рюкзакам. – Р-159 для связи с базой. Одна штука, нам хватит. Ее я сам понесу. Восемь комплектов «Сокола», по четыре на каждую группу, чтобы между собой связь держать. Запасные батареи. Вроде все.

– «Ромашку»[8 - В каждую группу спецназа включались 2–3 радиста с широким набором радиосредств. В данном случае разведчиков снабдили следующими средствами радиосвязи: Р-159 – являлась штатной радиостанцией ком. УКВ-радиостанция «Сокол» (Р-392) – для связи внутри разведгрупп. УКВ-

радиостанция «Ромашка» – служила для обеспечения двухсторонней симплексной связи с патрульными самолетами и вертолетами.] не забудь, – напомнил Зарубин, слегка нахмурившись, – тоже пару штук.

– Значит, с вертушками связь будем держать, – не то спросил, не то объявил всем радист.

– Все может быть, – нехотя кивнул Кондратий, – кишлак там мутный.

И перешел к осмотру оружия. У девятнадцати воинов из общего состава двух групп при себе имелись автоматы АКМС с калибром 7,62-мм и десять из них с планкой для крепления ночного прицела. Предстоял как раз ночной бой. У восьми солдат автоматы были дополнительно оснащены подствольными гранатометами ГШ-25. В сводном отряде старшего лейтенанта Зарубина было также четыре винтовки СВД[9 - СВД. Снайперская винтовка Драгунова – самозарядная снайперская винтовка калибра 7,62-мм, разработанная в 1957–1963 годах группой конструкторов под руководством Евгения Драгунова.] – так как полагалось брать с собой на задание минимум по два снайпера на группу. У остальных бойцов спецназа тоже были автоматы, но поменьше калибром – 5,45-мм. И хотя этот автомат был удобным и компактным, в спецназе ГРУ более крупный калибр пользовался гораздо большей популярностью. И причин тому было несколько. Во-первых, для АКМС с калибром 7,62 имелся прибор бесшумной и беспламенной стрельбы – ПБС-1. Эта игрушка давала советским разведчикам, особенно во время ночных вылазок, большие преимущества перед «моджахедами», которые могли даже не узнать, что неподалеку идет бой. Звук выстрела из автомата с таким прибором было невозможно различить уже с расстояния в сто пятьдесят метров.

Да и потом, пуля, выпущенная из автомата калибра 7,62-мм, была просто крупнее и лучше «останавливала» врага. А, кроме того, у самих моджахедов основным стрелковым оружием был как раз китайский образец автомата Калашникова все с тем же калибром. Это давало шанс воспользоваться патронами убитого «духа», если свои закончатся. Несмотря на то что по несколько рожков с патронами уже было рассовано по разгрузочным жилетам и подсумкам, такое могло случиться и бывало не редко. Высокое начальство распорядилось выдавать патроны по нормативам, смысла которых никто из спецназовцев не понимал. Ни командиры, ни сами бойцы. В жарком бою патронов реально не хватало и, как всегда, приходилось заботиться о себе самому. Спасение утопающего, как говорится в одной книге, дело рук самого

утопающего.

Иногда в бою выпадала возможность пополнить боекомплект трофейными патронами с «разрывными» пулями. Это егеря тоже любили, так как аналогичными патронами родная промышленность свои войска в Афганистане почти не снабжала «из-за соображений гуманности». Жалела моджахедов, видимо. Приходилось бить «духов» их же разрывными пулями.

При необходимости воевали и захваченным у врага оружием, но китайские копии Калашникова бойцы не любили, так как украденную идею китайцы воплотили, как всегда, только внешне. Металл на автоматы шел хреновый и быстро перегревался, буквально после опустошения третьего рожка патронов, автомат клинило, или он начинал просто выплевывать пули в разные стороны, теряя прицельную дальность. Китайская копия, она и в Афгане китайская копия.

А вот китайский аналог русского крупнокалиберного пулемета ДШКМ[10 - ДШКМ – Дегтярев-Шпагин крупнокалиберный модернизированный пулемет.], слизанный и перепроданный моджахедам, доставлял русским спецназовцам гораздо больше хлопот. И хотя он был тяжелым и гораздо менее маневренным, чем обычно противостоявший ему «Утес» – для смены позиции требовалось пять человек, – все равно духи могли значительно усложнить жизнь советским разведчикам, установив ДШКМ на удобной позиции в горах, особенно в укрепрайонах, куда частенько затаскивали их с помощью ослов или других вьючных животных.

В отряде Зарубина на такой ответный случай как раз была припасена парочка крупнокалиберных «Утесов»[11 - НСВ «Утёс» – советский 12,7-мм крупнокалиберный пулемёт, предназначенный для борьбы с легкобронированными целями и огневыми средствами, для уничтожения живой силы противника и поражения воздушных целей. Был снабжен оптическим прицелом.] с оптическим прицелом, который переносился вместе с боекомплектом силами всего двух разведчиков, и еще парочка ПК – пулемётов Калашникова все того же калибра 7,62-мм. Одним из таких ПК в третьей группе заведовал рядовой Семихватов. А вторым ПК виртуозно владел Григорий Рохля. Удалой боец, несмотря на фамилию, доставлявшую ему поначалу немало хлопот. В четвертой группе тоже было два пулеметчика с ПК.

Ну и на всякий пожарный случай – укрепрайоны у «духов» крепкие попадались, – старший лейтенант Зарубин брал с собой в этот раз тяжеленный ПТУРС[12 -

ПТУРС «Конкурс» – советский противотанковый ракетный комплекс. Предназначен для поражения танков, инженерных и фортификационных сооружений.], который мог разнести любую, даже укрепленную позицию и часто заменял спецназу артиллерию. И еще один АГС-17, станковый гранатомет, бивший вдаль аж до полутора километров очередями из осколочных гранат. В радиусе семи метров от места попадания такой гранаты не выживал никто. Весила полезная штука все веселые тридцать килограммов. По сравнению с этими тяжеловесами, несколько ручных гранатометов типа «Муха»[13 - РПГ-18 «Муха» – советская реактивная противотанковая граната, разработанная в начале 1970-х годов и принятая на вооружение Советской армии в 1972 году. Прицельная дальность 200 метров.], также числившихся среди вооружения сводного отряда разведчиков Зарубина, вообще ничего не весили.

«Придется ребяткам потрудиться, – подумал Кондратий, разглядывая тяжеленные махины с боекомплектом, – зато ни один «дух» от нас даже под землей не спрячется».

Глава четвертая

Опорный пункт

Быстро проверив рюкзаки, плащ-палатки, разгрузочные жилеты, сигнальные и осветительный средства, наличие боеприпасов, индивидуальных перевязочных средств и сухих пайков, старший лейтенант остался доволен. Он, наконец, выпрямился и, мгновенно переходя из расслабленного состояния в боевое, рявкнул так, что привычные ко всему подчиненные даже вздрогнули:

– Смирно!

Бойцы подтянулись, как могли.

– Товарищи, мотострелки, – решил подбодрить шуткой своих засекреченных разведчиков старший лейтенант Зарубин, но поневоле стал серьезным и даже немного напрягся, – сообщаю вам боевую задачу. Нашему отряду поставлена цель скрытно выдвинуться в район кишлака Шамун, неподалеку от которого в

горах недавно обнаружен новый опорный пункт душманов. Вероятно, там есть охранение и склады с оружием. Численность противника неизвестна. Наша задача провести разведку, внезапно атаковать и зачистить позиции «душманов». На броне нас немного подбросят до цели. Потом несколько километров пешком. Глубоко ночью должны прибыть на место и приступить к работе. Если сделаем все аккуратно и никаких сюрпризов не будет, операция должна продлиться несколько часов. Шамун недалеко. К завтраку, максимум – к обеду, должны вернуться назад.

Зарубин помолчал и добавил с нажимом в голосе:

– В полном составе. Вопросы есть?

– Неслабый там опорный пункт, похоже, раз ПТУРС тащить придется, – ухмыльнулся Рохля вместо вопроса.

– Разговорчики, – оборвал его Кондратий. – Если вопросов нет, даю двадцать минут на перекур, проверку снаряжения и оправку, затем выступаем. Броня ждет. В моей подгруппе назначаю заместителем старшего сержанта Суворина, в четвертой – командует старший сержант Рябоконь. Разойдись!

Получив разрешение, бойцы разбрелись кто куда. Кто присел проверить снаряжение, кто-то отошел покурить и побалагурить с друзьями, пока можно. На марш-броске разговорчики не поощрялись.

– Пойдем и мы, Кондратий, – подошел к нему подполковник Стеценко, наблюдавший за последними приготовлениями сводной разведгруппы издалека и появившийся только после того, как бойцы разошлись, – умрем на болоте[14 - Военнослужащих ограниченного контингента снабжали сигаретами без фильтра «Луч» или «Охотничьи». Сигареты «Охотничьи» за крепость табака и рисунок на пачке сигарет – охотник стреляет в уток – бойцы переименовали в «Смерть на болоте».]. Спокойно покурить тебе не скоро придется.

Офицеры отошли в сторонку, остановились у пожухлого деревца, не доходя до штабного корпуса, расположенного в здании бывшей афганской школы. С тех пор, как началась война, здесь уже много лет никто не учился. Стеценко достал сигареты и угостил Зарубина. Чиркнул трофейной зажигалкой «Зиппо», презентованной подполковнику разведчиками первой роты, после удачного

налета на караван. Два огонька загорелись в быстро сгущавшихся сумерках.

– Сколько у тебя необстрелянных в группе? – уточнил Стеценко.

– Пятеро, товарищ подполковник. Двое совсем пороха не нюхали, только что с гражданки. Остальные год отслужили в ТуркВО[15 - Туркестанский военный округ (ТуркВО) – в данном случае, формирование Вооружённых Сил СССР на территории Средней Азии и Казахстана в период с 1945 по 1992 год.], пострелять уже малость успели, но все равно пока зеленые.

– Присматривай там за ними. Первый бой всегда страшно. Ничего, притрутся. Ты сам-то, помнишь, как убил первого «духа»

Зарубин кивнул, тот бой ему надолго врезался в память. Тогда ему пришлось убить человека в реальном бою, да не издалека, нажав на курок автомата, а в жесткой рукопашной. Он сам чуть не погиб в тот день. Автомат заклинило, и моджахед, набросившись на него, стал душить. Лишь когда едва не потерявший сознание молодой боец Кондратий Зарубин воткнул ему нож в брюхо, «душман» обмяк и разжал пальцы. Кондратий еще долго потом отстирывал кровь воина ислама со своей формы. Однако в разговоре со Стеценко старший лейтенант умолчал о том, что еще до армии ему поневоле приходилось убивать, и этот «дух» был далеко не первым, погибшим от его руки.

– Ладно, – выбросив окурок, быстро попрощался Стеценко и поправил форменную кепку, – держи связь, старлей. Если что, вызывай вертушки. Мотострелки из 66-й бригады тебя подбросят до середины пути, а там уж сам.

Сделав пару шагов в направлении штаба, Стеценко обернулся.

– И к обеду не опаздывай.

Спустя десять минут, погрузив тяжелые пулеметы, ПТУРС, боеприпасы и снаряжение в несколько гусеничных бронемашин, сводная разведгруппа распределилась по броне. Кто смог, разместился во внутренних отсеках для пехоты, остальные закрепились снаружи. Чихнув моторами, колонна БМП-2 под покровом ночи покинула базу на окраине городка Асадабад, выдвинувшись прямо по объездной дороге. Вскоре колонна преодолела мост через горную реку, охранявшийся блокпостом из мотострелков, и, оставив свои укрепленные

позиции позади, углубилась в ночной Афганистан. Туда, где хозяйничали уже моджахеды, не желавшие признавать ни законное правительство своей страны, ни силу войск СССР. Торговля наркотиками им была больше по сердцу. Ни пахать, ни сеять они не привыкли. Разве что опиумный мак. В этом проклятом месте воевали испокон веков, убивая всех, кто приходил к ним с оружием в руках. Покорялись только самым сильным завоевателям, один раз Александру Македонскому, второй Чингисхану. Да и то, стоило новым хозяевам чуть ослабить хватку, опять начинали убивать друг друга. Видимо, война была смыслом их жизни. Мирно жить они просто не умели. И все бы ничего, если бы убивали только сами себя. Но наркотики расползались отсюда на караванах по всему свету, убивая и калеча жизни многих, а немногим принося огромные прибыли, заработанные на смерти. Именно этого не мог простить моджахедам старший лейтенант Кондратий Львович Зарубин, и была у него на то своя, очень веская причина. А вовсе не интернациональный долг.

Еще через полчаса колонна достигла развилки дорог и, съехав в овраг, высадила разведчиков с поклажей. Чихнув на прощанье моторами, БМП развернулись и растворились в темноте. Дальше единственная дорога расходилась на три разные. Правая вела к печально известному урочищу Маравар, где три года назад погибла почти целая рота необстрелянных бойцов. Вторая шла прямо к кишлаку Шинкорак, и последняя дорога – налево, к Шамуну, в окрестностях которого и находилась цель сегодняшнего выхода.

Именно здесь, у развилки, Кондратий Зарубин и планировал расстаться с броней. Ехать на ней, конечно, удобнее, чем переть все на себе. Но БМП – штука заметная даже ночью. Об их выходе уже могли проведать «духи», у которых всегда имелись наблюдатели из местных в городе или окрестностях Асадабада, сколько их ни тряси и ни стращай. Поначалу Кондратий вообще хотел идти пешком с базы, но решил рискнуть. Так действительно было быстрее. А ночи в горах не очень длинные. Особенно когда время дорого. Сейчас у него был шанс запутать «духов», даже если его выход на охоту не остался незамеченным. Самое главное было двигаться скрытно. Отследить его БМП могли максимум до этой развилки, а куда дальше делась группа, поди узнай. Направо пошла, налево или прямо. Пока поздно не будет. Во всяком случае, Кондрат надеялся на фактор внезапности, и пока что никаких признаков обнаружения не было.

– Так, мальчики, – вполголоса приказал Зарубин, оглядывая своих бойцов, собравшихся на дне оврага, – Семихватов с пулеметом и еще двое вперед, Галиулин с рацией и Виктор Строгий со мной. Остальные, нежно подхватили

«груз» и бодрым шагом двинулись по тропе за ведущими.

Кондрат сглотнул слюну и продолжил давать вводную:

– Старший сержант Рябоконь!

– Я, – выросла перед ним из темноты рослая тень.

– Твоя группа идет замыкающей. Возьмешь с собой Мухамедзянова с пулеметом, еще троих и в конец. У тебя весь молодняк. Смотри за ними в оба.

– Есть, – кивнул Рябоконь.

Подхватив тяжеленное снаряжение и оружие, группа свернула с развилки влево и по дну оврага, а затем по берегу реки, поросшему редколесьем, двинулась в сторону мирно спавшего вдалеке Шамуна. Через час пути по тропе, петлявшей меж чахлых деревьев, все было по-прежнему тихо, если не считать злобного сопения бойцов тащивших ПТУРС и «Утесы». Это, конечно, замедляло общий ход группы, но без таких игрушек разведчики оказались бы беззащитны, натолкнись они на превосходящие силы противника. С одними автоматами много не навоюешь. А с этими игрушками, да еще со стрелявшим очередями гранатометом, удачно закрепившись на какой-нибудь высотке, всегда был шанс дождаться подкрепления или в крайнем случае пробиться к своим.

Минут через пятнадцать, двигаясь незамеченными под шум горной реки, разведчики стали забирать вверх по тропе, и скоро обозначился крутой поворот. Кондрат взглянул на часы со светящимися стрелками – было почти десять.

– Колонна, стой, – скомандовал вполголоса Зарубин, останавливаясь, чтобы сориентироваться на местности, – пять минут отдыхаем. Не курить.

Остальные бойцы передали команду по цепи вперед, и метрах в пятидесяти замер Семихватов с пулеметом, пристроившись за большим валуном. Немного подуставшие разведчики с радостным выдохом опустили на камни тяжелое вооружение и законно расслабились, сжимая в руках автоматы. Охранение, заранее назначенное перед выходом и натренированное на такой случай, зорко смотрело по сторонам. Из-за шума близкой реки передвигавшихся молча

разведчиков было не слышно, но и они могли не услышать подкравшегося противника. Пока, однако, все вокруг выглядело спокойным.

Старлей посмотрел на луну, вдруг показавшуюся из-под облаков. «Поворот реки, резкий подъем… где-то тут должен быть брод», – вспоминал метки на карте Кондратий, имевший привычку запоминать все топографические детали операции наизусть. Ему не надо было даже лезть в карман за картой и включать фонарик, чтобы проверить свою память. Он ей доверял безоговорочно.

Заметив, что за подъемом виднеется небольшой распадок, который уходил вправо, к ведущей в сторону кишлака узкой проселочной дороге, Кондрат окончательно решил, что пора форсировать водную преграду и начинать подъем в горы.

– Здесь переходим реку вброд, – скомандовал он, – охранение: перекрыть все подходы.

Но бывалые бойцы охранения, на которых была возложена эта задача, уже и так грамотно расположились, чтобы прикрыть огнем колонну, если она будет атакована. Первыми в воду вошли двое помощники Семихватова. Оказавшись на том берегу небольшой, но бурной речки, они проверили прилегавшее побережье и подали знак. Следом перебрался сам пулеметчик и занял нужную позицию. А уже за ним потянулся остальной отряд с «бронетехникой».

Брод был неглубокий, вода едва доходила бойцам до коленей. Не обсыхая – по дороге одежда сама высохнет, – Зарубин направил отряд в распадок, который минут через десять привел их к самой дороге. Луна, к счастью, вновь ушла за облака, и Кондрат невольно поблагодарил ее за это. Преодолев в кромешной тьме проселочную дорогу, на которой в этот час никого не было, отряд вскоре опять вошел в «зеленку» и, долго пробираясь по складкам каменистых холмов, наконец, подошел к подножию гор. Здесь командир устроил своим бойцам еще один короткий привал.

– Дальше пойдем по соседнему ущелью, – объявил Кондратий бойцам авангарда, но так чтобы и остальные услышали. – Оно выгнуто полумесяцем и примыкает к перевалу, с которого открывается вид на кишлак Шамун. Этот кишлак нам и нужен. Еще через пару часов будем у расчетного места. Здесь уже могут быть «духи». Всем, у кого автоматы с планкой для ночного прицела, примкнуть

прицелы и периодически осматривать склоны и тропу прямо по курсу. Проверить карабины на ремне автомата, – чтоб ничего не брякало. Подойти надо тихо.

Бойцы деловито по десятому разу осмотрели автоматы. Один молодой солдат из четвертой группы забыл примотать карабин изолентой, – запасливый Мухамедзянов дал ему свою. Устранив мелкие проблемы и отдохнув, группа пошла дальше вверх.

В расчетах старший лейтенант не ошибся. Под перевал, который выводил к кишлаку Шамун, на некоторых картах обозначенному даже как городок, они подошли в расчетное время. Около часа ночи. Здесь Кондратий снова дал группе немного отдохнуть и подготовиться к атаке. Судя по имевшимся данным, опорный пункт «духов», а может, и целый укрепрайон, должен был начинаться именно здесь. Место было удобное. С перевала вниз шла только одна тропа к кишлаку, а вот подойти к самому предполагаемому укрепрайону можно было с трех сторон: снизу от самого кишлака, через ущелье, по которому прибыли спецназовцы, и через другое ущелье, которое подходило чуть дальше, минуя второй перевал, очень близко расположенный к первому.

«Грамотно придумано, – одобрил выбор душманов Кондратий, вглядываясь в темноту через ночной прицел автомата, – заблокировал вершину и не подойти, а уходить можно сразу двумя путями, если они не перекрыты. Шанс всегда есть. Ну, ничего, от нас не уйдешь».

Впереди и вокруг все было тихо.

– Где ж вы тут окопались? – пробормотал Зарубин себе под нос, оглядывая безжизненный, казалось, перевал. – Неужели соседи ошиблись? Проверить надо по-любому.

Он обернулся назад и вполголоса произнес:

– Рябоконь, ко мне!

Вскоре с легким шелестом к нему приблизилась крепкосбитая фигура командира четвертой разведгруппы и присела рядом, опершись на автомат.

– Осмотрел склон?

– Так точно.

– Значит, видел правое плечо перевала, которое сильно возвышается над левым?

Рябоконь кивнул.

– Тогда слушай мою команду, товарищ старший сержант, – проговорил Зарубин. – Берешь семь человек из своей группы, одного пулеметчика и одного снайпера, остальных оставляешь здесь. И молодых с ними. Ползешь тише мыши наверх и занимаешь там позицию. Осматриваешься и докладываешь мне, как дела. Всё понятно?

– Так точно, – вновь кивнула фигура во мраке.

Слушая по-военному четкие ответы командира группы, Зарубин невольно улыбнулся уголком рта, – плоды собственной работы над дисциплиной за время службы в этой части давали себя знать. Кондрат внешне был человеком спокойным, без особой необходимости не давил авторитетом и позволял иногда солдатам расслабиться, если это не несло прямого вреда для жизни и здоровья. Но расхлябанности не терпел и раздолбайства тоже. В Афгане от этого зависела жизнь, и не только своя. Оборзевших быстро ставил на место, и очень жестко, если требовалось. Солдаты, служившие с ним, это уяснили давно.

– «Сокола» для связи взял? – уточнил Зарубин.

– Пару штук, – подтвердил старший сержант, похлопав себя по груди, где висел манипулятор с кнопкой, сама переносная рация находилась на боку в подсумке, – у меня и у Азамата.

– Добро. Давай, Федор. Двигай вперед. Только осторожно.

Рябоконь кивнул в последний раз и исчез за камнями в темноте. Вскоре там послышалось шевеление. Разведгруппа с отобранным количеством бойцов, прокравшись мимо остальных, растворилась в темноте.

Дав им минут двадцать форы – за это время Зарубин рассматривал через прицел кромку перевала, но не заметил ничего подозрительного, – старший лейтенант решил двигаться дальше вверх. Седловина была уступчатая. По всему выходило, что на самом краю больших и заметных укреплений нет, они либо зарыты в землю, либо спрятаны глубже, у второго уступа, который, собственно, и мог считаться перевалом. «А может, там и нет никого? – подумал Зарубин, нежно обнимая автомат. – Разведка тоже иногда ошибалась. А может, были, да ушли».

Отправив вперед по тропе трех разведчиков с рацией, Кондратий на всякий случай привел в боевое положение крупнокалиберный «Утес» с расчетом из двух человек, который уже отсюда мог поливать огнем перевал, и посадил в сторонке двух снайперов, наблюдать за вершиной. Остальная группа со всем железом медленно двинулась дальше.

В кромешной тьме, глухо чертыхаясь, когда из-под ноги выскакивал мокрый от ночной росы камень, группа шла вверх. До перевала оставалось уже метров пятьсот. Пока было тихо. Рябоконь на связь не выходил. Но эта тревожная тишина начала давить на Зарубина. И вдруг он услышал музыку. От неожиданности старлей даже остановился, не поверив своим ушам. Музыка? Ночью, в горах? Но с перевала явно доносились заунывные напевы, более того, поддержанные силой динамиков.

– Это что за хрень? – припал к прицелу Зарубин, обшаривая взглядом камни, но ничего нового не увидел.

– Товарищ старший лейтенант, – приблизился к нему Суворин, – это ж духи молятся.

– Верно. Совсем страх потеряли, – пробормотал ошеломленный Кондратий, который видел много раз, как «духи» молятся днем, но первый раз застал их за этим делом ночью, – да еще и через динамики транслируют, чтобы нам лучше слышно было.

В этот момент ожила рация.

– Первый, прием, – прохрипел динамик в ухе у Зарубина. – Докладывает старший сержант Рябоконь. Поднялся на гребень перевала. Вижу «духов». Человек десять. Все молятся. Из вооружения наблюдаю два ДШК. Смотрят в вашу

сторону. Больше ничего не вижу.

– Молятся, говоришь, – ответил Кондрат, – самое время. Приготовиться к атаке. Жди моего сигнала. Мы идем вверх. Скоро будем рядом.

На всякий случай Кондрат связался с пулеметчиками, прикрывавшими тыл, и тоже взбодрил их, чтобы не расслаблялись.

Шли осторожно и быстро. Луна, спрятавшись за облаками, тускло освещала горы. Подобравшись уже к самому перевалу, до которого оставалось теперь метров пятьдесят, Кондратий настроил второй «Утес» и АГС-17 – на случай внезапной контратаки, – мало ли чего Рябоконь не заметил. Затем вызвал того по рации.

– Федор, мы рядом. Начинаем.

Звуки молитвы до сих пор не утихали. «Душманы» истово общались с Аллахом. Но неожиданно для них эти звуки прервал выстрел из подствольного гранатомета, потом второй и сразу два глухих хлопка раздались под перевалом. Послышались крики раненых, которые тут же заглушила короткая пулеметная очередь. Потом еще одна. В ответ, спустя короткое время, раздалось лишь несколько автоматных очередей.

– Мухамедзянов работает, – узнал по звуку пулемет своего подопечного Кондратий и махнул своим разведчикам: – За мной, ребята, пока «духи» до своих ДШК не добрались. Семихватов и Рохля, по краям. Остальные цепью, прижимаясь к склону.

Когда они достигли кромки и едва перевалили через нее, стрельба уже стихла. Рябоконь со своими бойцами, покинув укрытие на склоне, добивал оставшихся в живых «духов». В темноте пару раз стрекотнула короткая очередь, едва заметная и едва слышная, поскольку прибор ПБС-1 гасил пламя и звук.

– Ты, смотрю, и без нас справился? Молодец, Федор, – похвалил командира четвертой группы Зарубин. – Сколько их тут?

– Десяток примерно, как и говорил, – пнул ногой ближайшее тело, Федор. – Все готовы. Легко взяли.

– Не говори гоп… – едва открыл рот Зарубин, чтобы предостеречь его от эйфории, как вдруг луна показалась в разрыве облаков и осветила скалы. Спецназовцы, рассыпавшиеся по нижней части перевала и стоявшие кое-где в полный рост, стали видны как на ладони. В тот же миг откуда-то сверху глухо застучал ДШК. За секунду до этого, словно спиной почуяв опасность, Зарубин толкнул Федора и сам рухнул вниз. Очередь разрывных пуль прошлась по камням и скоплению солдат. Рядом послышался крик, это упал замертво прошитый насквозь боец. Кто именно, Зарубин не разглядел.

В ответ застучал пулемет Мухамедзянова, ему вторили Семихватов и Рохля. С главного перевала, до которого было еще метров семьсот, заработал второй ДШК. Следом откуда-то сверху раздался громкий чавкающий звук, а потом свист. И темноту метрах в пятидесяти разорвала вспышка от мины.

– Так, – сплюнул Кондрат, прячась за большим валуном от осколков неподалеку от нижней захваченной позиции «душманов», – недолго музыка играла.

Он обернулся назад, туда, где прятался от обстрела радист и еще трое бойцов.

– Галиулин! Радио на базу. «Прибыл на место. Вступил в бой. Уничтожил десять “духов”. Продолжаю атаковать».

Галиулин развернул за камнем рацию, целиком вытащил полутораметровую антенну, благо в темноте ее никто не видел, и принялся выполнять приказание. Зарубин сам связался с помощью «Сокола» с расчетом ниже по склону и приказал подтащить сюда «Утес» и станковый гранатомет. «Без них, похоже, не обойтись, – решил он, – раз по-тихому не вышло». Самое мощное оружие – ПТУРС, пока оставил внизу.

Рядом лежал Рябоконь, который вел огонь короткими очередями, стараясь поразить расчеты ДШК или минометчиков.

– Федор, – крикнул ему Зарубин, – кого из твоих зацепило?

– Иванцов, – коротко бросил тот, продолжая стрелять.

– Молодой? Жив?

Федор мотнул головой. Старший лейтенант нахмурился. «Не повезло парню, в первом же бою». Но нужно было решать ситуацию, чтобы остальных не перебили. «Духи» обнаружив «шурави»[16 - Шурави – так называли местные жители военнослужащих Советской армии времен войны в Афганистане (1979–1989).], огнем из своих ДШК, которым вторили несколько автоматов Калашникова, прижали спецназ к склону. А минометы вполне могли их добить, если не предпринять срочных действий. Хотя по интенсивности огня Зарубин решил, что по ним работает только один миномет. К счастью, то ли позиции были не пристрелянные, то ли минометчики необученные, то ли ночь помогала, – луна вновь ушла за облака, скрывая «шурави» от прямых попаданий, – мины ложились с большим перелетом и в стороне от скопления бойцов, которые быстро расползлись по склону. Вжавшиеся в камни спецназовцы пока что отстреливались без новых потерь, об этом Зарубин узнал, связавшись со всеми, у кого были рации. Мухамедзянов и Рохля били по позиции ДШК короткими очередями довольно точно. И вскоре один из крупнокалиберных пулеметов замолчал.

«Либо расчет накрыли, либо повредили сам пулемет. Главное, чтобы в контратаку не пошли», – думал Кондрат, разглядывая через прицел моджахедов. Их было почти не видно, только пару раз ему удалось засечь «пуштунку», двигавшуюся вдоль склона. Значит, впереди была траншея. Сколько их там всего, тоже не разобрать, – прятались в глубине перевала и пока не лезли на рожон. Одно Кондратий уже понимал, для простого опорного пункта наблюдателей здесь довольно укрепленные позиции. Это наводило на неприятные размышления. Но отходить он смысла не видел. «Духов» могло быть и не много. А раз пришли – дело надо сделать. Приказ никто не отменял.

Второй ДШК наверху ненадолго замолчал, лишь напрасно обнадежив «шурави», а потом в спецназовцев полетели трассеры, подсвечивая поле боя дьявольскими огнями. В этот момент подошла группа бойцов с «Утесом» и станковым гранатометом. Увидев их, Кондрат злорадно ухмыльнулся. Пулеметчики установили свой крупнокалиберный аппарат метрах в пяти от командира. Гранатометчики, несмотря на кромешный мрак, тоже быстро выбрали себе позицию.

– Ну, сейчас причешем «духов», – обрадовался Зарубин и обернулся к расчету гранатометчиков, которые копошились между двух валунов, – а ну-ка, ребятушки, обстреляйте-ка мне гнездо второго ДШК и потом с перелетом в глубину перевала. Там где-то минометчики засели.

Бывалые бойцы, которым Зарубин доверил это оружие, быстро пристроили тридцатикилограммовый станковый гранатомет и дали первую очередь осколочными гранатами по гнезду ДШК. Несколько ярких фонтанчиков брызнули огнем. Потом еще контрольная очередь из пяти гранат, и на перевале воцарилась тишина. Пулемет умолк.

Но это оказалось тоже ненадолго. Пролетевшая оттуда вскоре мина вновь взорвалась далеко позади залегших разведчиков. В ответ на это гранатометчики чуть приподняли ствол АГС-17, сделав поправку, и проработали перевал в глубину тремя короткими очередями. И, видно, угодили в какой-то склад с боеприпасами, потому что наверху полыхнуло так, что на мгновение стало светло, как днем. С перевала повалил дым. Миномет перестал выплевывать смертоносные гостинцы.

– Обожаю эту пушку, – не сдержался старший лейтенант и повернулся к «утесовцам», – теперь ваша очередь, орлы. Ну-ка, причешите мне перевал от греха подальше.

Крупнокалиберный пулемет, бивший на несколько километров, прошелся по кромке подсвеченного слабыми всполохами перевала и разметал в клочья все, что смог различить взгляд пулеметчика. На всякий случай еще раз обработали оба гнезда молчавших ДШК.

– Ну, а теперь за мной, разведчики! – крикнул Зарубин по рации, приподнимаясь из-за валуна. – Рассыпались по склону и вверх. Суворин слева, Рябоконь – твой фланг правый. Я в центре.

Старший сержант, державшийся неподалеку, услышал его и без рации. Кивнул и быстро исчез в полумраке, собирая бойцов.

Ожесточенная перестрелка прекратилась. Прикрываясь складками местности – на всякий случай, у «духов» тоже были ночные прицелы, – разведчики беспрепятственно преодолели остаток подъема и оседлали перевал, поперек

которого действительно шла длинная траншея. В ней валялись пятеро мертвецов с автоматами. Несколько ходов от этой траншеи уводили вниз в темноту. Туда, где далеко в глубине долины, при свете дня, уже был бы виден кишлак, спавший сейчас мирным сном и полностью погруженный во тьму. По краям перевала виднелись разваленные огнем гнезда ДШК и как минимум по трое мертвых душманов в каждом. Впереди, метрах в пятидесяти, догорала минометная точка. Повсюду валялись куски разорванных взрывом тел и дымились ящики из-под мин. Похоже, гранатометчики на самом деле угодили прямиком в боекомплект. Пока в спецназовцев больше никто не стрелял. И вообще на перевале было сейчас на удивление тихо.

– Суворин, Рябоконь, взяли по пять человек и рассыпались по перевалу. Проверяем траншеи и блиндажи, – коротко приказал Зарубин. – Только осторожно, кругом сюрпризы. Ценное забираем. Остальное минируем.

Пустив вперед пятерых разведчиков, Кондратий вместе с Семихватовым и Галиулиным двинулся вдоль центрального хода траншеи вниз, крепко сжимая автоматы и прислушиваясь. К счастью, в отсветах догоравшего пожара траншея была видна хорошо. Впереди слева вдруг застучал одинокий автомат, кто-то из бойцов резко согнулся, схватившись за руку. В ответ его товарищ метнул в сторону невидимого в темноте автоматчика штурмовую гранату РГД-5 [17 - РГД-5 (ручная граната дистанционная, модификация-5) – советская наступательная ручная граната, относится к противопехотным осколочным ручным гранатам дистанционного действия наступательного типа.]. Раздался короткий взрыв, и автомат замолчал.

– Раненого перевязать, – приказал Зарубин, быстро приблизившись к месту схватки, и, рассмотрев бойца, уточнил: – Жив, Карпович?

– Жив, – доложил сам раненый из молодых, которого уже пользовал оказавшийся рядом товарищ, – только руку зацепило.

И добавил, немного смущенно:

– Там вроде ребенок какой-то стрелял, показалось, товарищ командир.

– А ты думал. Здесь все воюют, – ответил спокойно Зарубин, привыкший уже ко всякому на этой войне, – и дети, и женщины, если надо. Мы для них враги. А они

для нас. Понял?

И не дожидаясь ответа, направился в сторону показавшегося в двадцати метрах блиндажа. Здесь было уже гораздо темнее, лишь один ящик тускло горел неподалеку, сгущая темноту вокруг. Видны были только очертания входа. Для порядка Зарубин дал очередь в чернеющий проем, а затем приказал бойцам, осторожно передвигавшимся рядом:

– Проверить, что там.

Но едва один из них успел сделать шаг вниз, как из блиндажа выскочила сначала одна черная тень, а за ней вторая и третья. Первая бросилась бойцу в ноги. Тот даже не успел выстрелить, как его сбили. Душман вцепился в его автомат, и они оба кубарем укатились в темноту. Второго, который, размахивая голыми руками, бежал прямо на спецназовцев, Кондрат расстрелял очередью в упор. «Эх, мать вашу, надо было сразу туда гранату кинуть», – сокрушался Зарубин, не имея возможности выстрелить, чтобы не убить боровшихся рядом. Но в это мгновение третья тень возникла рядом с ним. Старлей выстрелил, но верткий «дух» умудрился нырнуть под пролетавшие пули и ударил его по ногам.

Кондрат упал, а бородатый моджахед бросился на него сверху, придавив к груди автомат, и попытался убить ненавистного «шурави» ножом. В последнюю секунду Кондрат заметил тускло сверкнувшее лезвие афганского кинжала в руке у обезумевшего от ярости бойца. Вскинул руку и блокировал удар. Лезвие оцарапало щеку, замерев в миллиметре от глаза.

– Ах ты, сука, – пришел в ярость Кондрат и, выпростав вторую руку из-под «душмана», который вцепился в автомат, нанес ему короткий и резкий удар в кадык. Моджахед захлебнулся своими слюнями, выронив нож, захрипел и откинулся назад. Кондрат, не теряя возникшего преимущества, сбросил его с себя. А затем развернулся, схватил кинжал и четким движением вогнал в шею. Да с такой силой, что услышал хруст разрубаемых позвонков. Душман затих. Из разорванной раны хлынула кровь.

Подскочившие к месту схватки Семихватов и Галиулин не успели и пикнуть, как все было кончено.

– Вот так вот, ребятки, – только и произнес Кондрат, снова приходя в себя, вставая и отряхиваясь, – работаем дальше.

Едва он поправил свою панамку, как рядом раздался короткий выстрел, и звуки возни прекратились. Это другой разведчик смог, наконец, отбросить от себя душмана, который стремился задушить его голыми руками. А стоявший рядом боец, не теряя времени, пристрелил его.

– Надо посмотреть, что там, – Кондрат вновь указал на блиндаж, из которого выскочили «духи», – больно много их там пряталось.

И для верности швырнул туда РГД. А когда дым рассеялся, сам шагнул внутрь, достав из потайного кармана небольшой трофейный фонарик. Узкий луч выхватил из темноты довольно широкое помещение, полное дыма и пыли. В нос ударил какой-то странный медицинский запах. Внутри блиндаж был оборудован вполне цивильно: метров пять в ширину – есть где спрятаться, – стол из досок, две скамейки и небольшое углубление для оружия. В нем стояло всего несколько изуродованных «калашей» и гранатомет. Под столом Кондрат обнаружил четверых мертвых «духов», иссеченных осколками. А на полуразвалившемся от взрыва столе заметил остатки пиршества – пакетик с белым зельем, несколько шприцов и рассыпанную травку. Все это превратилось в едва различимое месиво.

– Теперь ясно, отчего они на автомат с голыми руками бросились, – пробормотал Кондрат, потрогав еще кровоточившую ссадину на щеке и вспоминая обезумевшего моджахеда с клинком. – Ладно, ерунда. Могло быть и хуже.

Выйдя наружу, он услышал невдалеке два коротких взрыва и автоматную очередь, а потом увидел, как из темноты к ним приближаются несколько человек, но судя по тому, как открыто они шли, опознал своих. Это был Рябоконь с группой. Вскоре подошел и заместитель Кондрата.

– Ну? – коротко спросил Зарубин, положив руки на автомат с ночным прицелом.

– Нашли еще пару блиндажей, в одном склад оружия – штук десять РПГ, второй миномет и боеприпасы к ним. Заминировал. Сейчас рванем, – первым доложил Рябоконь, вытирая пот со лба. – Чуть дальше вниз по склону еще две оборудованные позиции для ДШК. Смотрят в сторону кишлака. Но душманов в

них не было. Видать, готовились к приему гостей, да гости еще не прибыли, когда мы их гнездо накрыли. Пулеметы подорвали.

Зарубин перевел взгляд на своего заместителя.

– Мы нашли блиндаж, в котором стояла рация, – заговорил Суворин, – хотели радиста в плен взять и поколоть. Так он, падла, схватил две гранаты и на нас побежал. Пришлось пристрелить. Мертвый уже подорвался на гранате. Рация вдребезги. У нас потерь нет. Только Костяна… рядового Шерстнева то есть, зацепило осколком по плечу. Перевязали, жить будет.

– Отлично, – ухмыльнулся Кондрат, – Значит, скоро гости могут подойти. Они наверняка радио своим дали.

Зарубин помолчал немного, облизывая пересохшие губы.

– Галиулин, радио на базу. «Цель уничтожена. Идем домой своим ходом. Высылайте броню к месту встречи».

И посмотрев на старшего сержанта из четвертой группы, добавил:

– Взрывай, Федя. И не забудь подарочки разложить повсюду.

Оставив позади себя разрушенные позиции моджахедов и забрав убитого бойца, отряд пошел назад тем же путем, что и пришел. Расположенный в центре долины расчет пулеметчиков со вторым «Утесом», не принимавший участия в бою, теперь прикрывал отход. Убитого выносили на носилках, сделанных из плащ-палатки. О том, чтобы оставить тело “духам” и речи не было. Среди спецназовцев ходило достаточно рассказов о том, как «душманы» издевались не только над живыми пленными, но даже над мертвыми бойцами – выкалывали глаза, отрезали уши. Бывали случаи, особенно со снайперами. Когда «духам» не удавалось взять их живыми, и те в ярости расстреливали не только самого мертвого снайпера, но даже его винтовку. Так что, можно сказать, прости господи, Иванцову еще повезло. Его матери будет тяжело, но она хотя бы увидит могилу сына. Именно поэтому отряд донесет его и отправит «Черным тюльпаном» груз-200 обратно в Союз.

Шагая с камня на камень, старший лейтенант Кондратий Львович Зарубин подумал о том, что сегодня его отряду тоже повезло. Опорный пункт, конечно, оказался не таким простым, как рассчитывали, а хорошо укрепленным. Но до настоящего укрепрайона ему было еще далеко. Да и «духов» оказалось не так много. Справились своими силами, даже не привлекая авиацию или дальнобойную артиллерию.

«ПТУРС только зря таскали, – подумал он и посмотрел на бойцов, что кряхтя тащили этот незаменимый при штурме укрепрайонов агрегат, – ничего, пусть потренируются. Еще успеет пригодиться».

Когда отряд уже выходил из ущелья в зеленку, далеко позади раздался гулкий взрыв. Это сработала закладка, которую Рябоконь сварганил из «Ведьмы»[18 - ОЗМ-72 – осколочная заградительная противопехотная выпрыгивающая мина кругового поражения. Название на армейском жаргоне – «Ведьма».], притащенной с собой.

– Так, – проговорил Кондратий, оглянувшись назад и пытаясь рассмотреть, что там произошло, но рассвет еще не наступил, и вокруг по-прежнему было темно, – быстро гости пожаловали. А ну-ка, ребятушки, шире шаг. На сегодня войны хватит.

Глава пятая

После боя

До базы в Асадабаде добрались без приключений. Подорвавшиеся на мине «душманы» – а кроме них на перевал никто не мог взойти, Кондратий был уверен – преследовать не стали. Видимо, нанесенный позициям урон надолго охладил их пыл. Разведчики действительно разнесли позиции буквально вдребезги, и «духи» могли решить, что здесь побывала целая рота «шурави», а потому воздержались от преследования. А, может быть, и самих пришло не так много, как можно было ожидать. Хотя, если верить глазам, то на перевале должна была закрепиться группа вдвое, если не втрое большая, чем они успели раздолбать. И если бы к приходу группы Зарубина там уже все было готово, то взятие этого перевала могло обернуться гораздо большими потерями. Да и

отступление тоже. Разъяренные моджахеды могли броситься в погоню, и группе пришлось бы отступать с боем, а тут уж без вертушек и бронетехники могло не обойтись. «Так что удачно сходили, – думал старший лейтенант, сидя на броне БМП-2 и вглядываясь в предрассветный туман, – могло быть и хуже».

До проселочной дороги, что вела к кишлаку Шамун, добрались тоже спокойно, никого не встретив. Ночью здесь хорошие люди не ходят. Только караваны с оружием и наркотой. Да еще спецназовцы. Преодолев брод в том же месте и тем же порядком, спустя полтора часа были в контрольной точке у развилки. Здесь их уже поджидали бронемашины, схоронившиеся в овраге, подальше от лишних глаз.

– Ну, как сходили? – поинтересовался командир мотострелков у Зарубина, когда группа вынырнула из тумана и была опознана как «свои».

– Пощипали «духов», – ответил Кондрат для поддержания разговора, но не вдаваясь в детали.

– Да и вас, я смотрю, – проговорил тот, глядя, как в БМП грузят мертвого бойца на плащ-палатке. Но расспрашивать больше не стал.

– Есть немного, – нехотя согласился Кондрат.

– Ладно, прыгай на броню. Скоро дома будешь, – бросил командир мотострелков, поправил шлем и скрылся в бронированной машине.

Чихнув моторами, колонна выбралась из оврага и устремилась по направлению к части. Путь домой был недолгим, но расслабился Кондратий Зарубин, только когда колонна пересекла КПП и остановилась на территории части. Афган, – дело тонкое. У «духов» тоже радиосвязь была и гранатометы. А колонну могли раздолбать и по дороге домой. Но, слава богу, не раздолбали. В этот раз победа осталась за спецназом.

Встречал колонну с разведчиками лично подполковник Стеценко.

– Успели даже к завтраку, – отрапортовал Зарубин, спрыгивая с брони и представ пред светлы очи непосредственного командования, – как и

приказывали, товарищ подполковник.

– Ну, докладывай, Кондратий Львович, – хмурясь, кивнул полковник, провожая взглядом плащ-палатку. По его землистому лицу было видно, что он не спал всю ночь, а наверняка провел ее рядом с радистом.

– Обнаружен и уничтожен опорный пункт противника на перевале у кишлака Шамун, – перешел на официальный тон Зарубин, – перевал оказался укреплен сильнее, чем мы рассчитывали, но моджахеды еще не полностью успели закончить оборудование позиций и укомплектовать бойцами. Мы появились как раз вовремя. Укрепление разрушено, оружие – четыре ДШК, два миномета и больше полусотни единиц стрелкового, а также боеприпасы к ним, – уничтожено. Ну и человек сорок духов.

– Хватил, значит, их Кондратий[19 - Знаменитое «Булавинское восстание» (казацкое восстание 1707–1708 годов) началось с запрета Петра I казакам самостоятельно добывать соль и ультиматума – выдать с Дона беглых крепостных крестьян. Оба эти требования категорически противоречили укладу «казацкой жизни» – соль была основным доходом самостоятельного Войска Донского, а беглые пополняли его численность.6 июля 1707 года Пётр I издал указ о сыске беглых в донских городках. Ответственным был назначен Юрий Долгоруков. В сентябре Долгоруков во главе отряда прибыл в Черкасск и начал рейд по казачьим поселениям Верхнего Дона, жестоко подавляя неповиновение. Вскоре восставшие казаки под предводительством бахмутского атамана Кондратия Булавина напали и полностью разгромили отряд князя Долгорукого. По предположению историка Соловьева, отсюда пошло народное выражение – «Хватил Кондратий» или «кондрашка хватил».], – ухмыльнулся Стеценко своей шутке, которая ходила по части из-за родословной Зарубина, названного в честь знаменитого казацкого атамана.

Кондратий облизал пересохшие губы.

– Так точно. Когда спускались обратно, на перевале сработала закладка. Думаю, еще человек десять положили. Но, товарищ полковник, судя по количеству траншей и блиндажей, подоспей мы чуть позже, и нас бы там ожидало сотни две, если не больше, душманов. Они просто не успели там закрепиться окончательно. Половина позиций были пустыми.

– Значит, разведка оперативно сработала, – удовлетворенно кивнул Стеценко и поправил кепку песочного цвета, прищурив левый глаз, в который его кольнул один из первых лучей поднимавшегося солнца, – и нам удалось упредить противника. Подоспей вы попозже, они там действительно бы закрепились так, что выбить их силами одного отряда было бы нереально. И потерь было бы гораздо больше. А сейчас как вышло?

– Один молодой убит, попал под пулеметную очередь. Еще двое ранены. Остальные в порядке.

Подполковник умолк ненадолго, потом вздохнул и сглотнул слюну. Хоронить бойцов было частью его службы, к которой он так до конца и не смог привыкнуть, хотя внешне казался спокойным. На войне, как на войне.

Зарубин положил руки на автомат.

– Надо еще разок туда наведаться, товарищ подполковник, – предложил Зарубин, – для порядка. И закрепления успеха. А то они там восстановят все скоро, и тогда действительно будет труднее их выбить. А кишлак вот он, буквально у нас под боком.

– Наведаемся, – успокоил его командир, – после артподготовки. Только эту задачу я другим поручу. Ты на сегодня свое дело сделал. А для желающих повоевать новое дело есть. И срочное.

– Какое, товарищ подполковник? – вытянулся Кондратий, готовый хоть сейчас отправиться на новое задание.

Стеценко прикрыл ладонью глаза, – солнце полностью вылезло из-за горного склона и залило своим жаром весь Асадабад. Внезапно послышался стрекочущий звук вертушек, и над базой зависла пара летающих танков Ми-24, прозванных бойцами почему-то «Крокодилами». Подняв тучу пыли, вертолеты опустились на аэродроме. Открылся люк, и на землю посыпались бойцы группы капитана Терехина из второй роты, выходившего на задание одновременно с Зарубиным, только в другой район и на вертушках.

– Перекуси и отдохни немного после выхода, Кондратий Львович, – подытожил Стеценко разговор, – у меня тут дела появились, а потом ко мне в штаб. Там и

расскажу детали.

Зарубин кивнул и только сейчас вдруг осознал, как он устал за время рейда. Отдохнуть и правда не помешает. Раздав указания своим бойцам, в том числе организовав все, что нужно сделать с погибшим и ранеными, Зарубин отправился к себе в барак, где жил в комнатушке, деля ее с другими офицерами. Быт здесь был суровый, но уже привычный, и ничуть не смущал старшего лейтенанта, десять лет назад решившего посвятить свою жизнь спецназу.

Сдав оружие куда следует, Кондратий разделся и принял душ, устроенный тут же рядом с бараками. Скупая струйка теплой воды из бочки со шлангом показалась изможденному за время беготни по горам телу Зарубина просто райским наслаждением. Такой кайф выпадал на долю разведчиков не слишком часто. С водой в этих местах проблемы. В затяжных рейдах бывало приходилось не то что про мытье забыть, а думать, где вообще раздобыть воды для питья, когда она во флягах закончится. Если речки или ручейка рядом не было, нередко приходилось копать землю вглубь, пока не дойдешь до водоносного слоя. В зеленке он, к счастью, часто лежит не глубоко. Вырыл яму в метр глубиной, угадал с местом, и вот оно, счастье, – яма быстро стала заполняться мутной водой. Главное, чтобы хоть что-то появилось. А дезинфекция всегда с собой – бросил в эту муть таблетку пантоцида и наслаждайся живительной влагой.

Слава богу, хоть в расположении отряда с водой было все в порядке. И с кормежкой тоже. Отфыркавшись и переодевшись в чистое, Кондратий Зарубин загнал своих подчиненных в столовую, временно располагавшуюся неподалеку в длинном шатре, пока не закончился ремонт в специально отведенном помещении. Да и сам присел за стол к офицерам. Надо было о пообщаться, перетереть последние новости, узнать, что как и где.

Обменявшись приветствиями с лейтенантом Игнатьевым и старлеем Витей Жуковским, Кондратий все же воздержался пока от разговоров и набросился на отменный наваристый борщ, источавший такой аромат, что у него слюнки потекли, лишь только повар с миской показался в дальнем конце шатра. Согласно приказу военнослужащие советских частей в Афганистане обеспечивались горячим трехразовым питанием. А на период выполнения боевого задания и сухим пайком. Для подразделений спецназа предназначался сухой паек с загадочным названием «Эталон № 5», напоминавший Зарубину название духов. Но его содержимое было не таким легковесным, а вполне себе высококалорийным и могло прокормить бойца в походе – тушеное мясо, фарш,

сало-шпик, печеночный паштет, сгущенное молоко, галеты, чай, кофе, шоколад. Часто летом бойцы даже оставляли излишки на базе, зато зимой брали все, что дали на складе, купили в магазине или сами нашли им одним известными путями. Так что во время рейда в рюкзаках РД-54 можно было обнаружить не только «Эталон № 5» и боеприпасы. А иногда, если повезет, бойцы пополняли свой рацион питания даже местными продуктами. По таким «праздникам» им удавалось отведать свежее мясо, рыбу или овощи-фрукты. И на войне жизнь шла своим чередом.

Но сейчас про сухой паек Зарубин и не вспоминал. Он хотел растянуть наслаждение борщом подольше, но едва вдохнув его аромат, просто проглотил всю тарелку за один присест. И уже облизывал видавшую виды алюминиевую ложку, когда в столовую вошел капитан Терехин, старый друг Кондратия, весельчак и балагур.

– Ну, что, Кондратий, – поприветствовал он старлея, приземляясь рядом на лавку, – хорошо поработал? Хватил супостатов, как говорится!

– Нормально, – кивнул в тон ему Кондратий, – хватил.

– Ну, так ты ж казак, – продолжал шуметь Терехин, устраиваясь поудобнее с ложкой в руке напротив такой же тарелки борща, – станичник. Всевеликое войско Донское, или как вас там правильно называть. Так что имя обязывает.

– Ладно, кончай зубоскалить, товарищ капитан, – по-свойски заявил ему Зарубин, – лучше налегай на борщ да расскажи, как сам повоевал. Есть еще в Афгане рыбные места, где можно «забить караван»?

– Я тебе «товарищ капитан» только при отцах-командирах да подчиненных, – оглянулся Терехин на бойцов, сидевших метрах в пяти за длинным столом, – а в ближнем кругу я тебе просто Митя. Вот оно как, товарищ «старший лейтенант».

Проглотив несколько ложек наваристого борща – повар сегодня был в ударе, – Терехин добавил:

– Тебе, кстати, тоже скоро срок выйдет капитанские погоны надеть. Забыл, что ли? Еще чуток и все, будешь со мной в одном звании щеголять уже как «товарищ капитан». А может, и уже должен, только не в курсе.

– Ну, – невольно усмехнулся Зарубин, – до этого еще дожить надо.

– Доживем, брат, – отмахнулся Терехин, продолжая с легким чавканьем поглощать содержимое тарелки, – я тебе больше скажу. Ходят слухи, что наш ограниченный контингент скоро вообще выводить начнут из Афгана. Не пройдет и пары месяцев, как окажемся мы с тобой, друг Кондратий, на просторах нашей необъятной родины. Крепко выпьем и отдохнем от войны. Сколько можно пыль глотать. Эх, на море поеду первым дело, тыщу лет там не был…

Капитан продолжал балагурить. А Кондратий, узнав о скором окончании войны, неожиданно для себя даже расстроился и впал в ступор. И хотя это была уже не новость, разговоры ходили давно, сознание отказывалось этому верить. Он провел в армии уже десять лет и другого себе просто не представлял. Да и не хотел он возвращаться к мирной жизни. Причина, что привела его в Афган, за это время почти растворилась, но не исчезла совсем. Гнев, холодным огнем тлевший внутри него так давно, находивший здесь выход в постоянной опасности для жизни и сражениях с моджахедами, так и не погас за это время. Лишь ослаб, став частью натуры. Да и возвращаться ему было особенно не к кому. Кондратий Зарубин не представлял себе, что будет делать с этой неутолимой жаждой мести на гражданке. Он даже сам себя боялся, когда думал об этом в часы отдыха между марш-бросками.

Кондратий перестал слушать не умолкавшего после боевого выхода товарища, постепенно проваливаясь в воспоминания о том, как судьба занесла его в Афганистан с берегов такого далекого и тихого Дона.

Глава шестая

Семья Зарубиных

Родом Кондратий Львович Зарубин происходил из донских казаков. Это было постоянной темой для ерничества среди друзей-офицеров и предметом тихой гордости для подчиненных. Командир у них был не просто командир, а можно сказать, целый атаман. Да еще названный родителями в честь настоящего казацкого атамана Кондратия Булавина, устроившего в прошлом целое

восстание. Булавин был, конечно, не Стенька Разин, но тоже личность известная. Одна присказка народная чего стоила, хоть и не знал об этом почти никто. Но сам Кондратий знал и втайне гордился своей астральной связью со знаменитым атаманом.

В общем, все его предки, как было известно юному тогда Кондратию, происходили из донских казаков. Сам он был родом из станицы Старочеркасская[20 - Все события, происходившие в станице Старочеркасская, придуманы, а совпадения с реальными жителями случайны.], что располагалась в Ростовской области и была издревле известна как столица Донского казачества.

Семья у Кондрата всегда была большая, много братьев и сестер. Особенно в давние времена. Как рассказал ему отец, часть тех самых далеких предков – а точнее один из братьев казаков Зарубиных – даже принимала участие в восстании Булавина против войск Петра Первого. Лихой был атаман, хоть и мятежник. Не мог стерпеть притеснения. Впрочем, среди казаков вольность всегда ценилась больше всего остального. В честь него родители и назвали самого Кондратия, хоть и пришлось предкам Зарубиных сильно пострадать из-за того, что один из братьев прибился к войскам мятежного атамана. Многие тогда были казнены. Но оставшиеся в живых члены семьи и их потомки заслужили прощение своей доброй службой царю. А за следующие сто лет даже получили дворянский титул.

Многое пережила семья Зарубиных в лихие революционные годы. Станица поддержала белое движение, за веру, как говорили тогда, царя и отечество. Многих убили в боях, кто-то ушел за кордон, да там и сгинул без вести, выживших раскулачили и репрессировали. Да и чего было ждать дворянам от голодранцев. Но живучий был род. Как ни убивай Зарубиных, обязательно кто-нибудь да выживет. Так и случилось с отцом Кондратия Львом Гордеичем да братом его Харитоном. Малые они были совсем во время революции, и большевики их не тронули. Оба выросли, да как раз к войне с немцами и возмужали. Прошли войну, вернулись в родную станицу героями. Отец Кондратия всю войну в разведке прослужил. «Четыре года на карачках», – как любил он потом шутить, подкручивая ус, покуривая цигарку и рассуждая с друзьями-товарищами, как ему обустроить село. А вопросов было немало. После войны они с братом едва ли одни с войны живыми и невредимыми вернулись. Кругом только девки да бабы. Да еще казаков-инвалидов десятки. Крепко немец по людям прошелся в той войне. Вот его станичники и выбрали председателем.

А брат в помощниках ходил.

Гордеич, как называли его станичники, дело свое знал крепко. А потому через пять лет станица ожила. Сеять стали, пахать. Коровник разрушенный отстроили заново, да коров завели. Мужики в станицу потянулись, свадьбы стали играть, дома строить. Семей много образовалось – Ермолаевы, Зенцовы, Ковалевы, Сиротины, – детей рожать начали. Через десять лет уже не узнать было станицу, словно и не было никакой войны. Опять зашумели веселые людские голоса да звонкий детский смех.

В те годы Гордеич и встретил мать Кондратия Евдокию, что приехала в станицу из соседнего района на заработки. Полюбили друг друга да вскоре поженились. Свадьбу Гордеич такую закатил – вся станица неделю гуляла. Хотя партийное руководство и не очень довольно было, что народ от работы отвлекался. Отец Кондратия тогда уже партийный был, а иначе председателем было никак не стать. Жили хорошо и весело. Родила Евдокия пятерых детей – двух девчонок и трех пацанов на радость старому казаку. И в доме, где рос Кондратий, самый младший из них, всегда было шумно.

А потом затеял Гордеич и свой конезавод. Ну, не может казак без коня жить. Положил на него десять лет жизни. С утра до ночи там пропадал, но вскоре коней станичных уже нарасхват брали все соседи, да издалека приезжали за ними. А сам Гордеич, променяв служебный автомобиль, полагавшийся ему уже как председателю колхоза, часто объезжал свои владения на скакуне, чувствуя себя в седле да в чистом поле гораздо лучше, чем в кабинете. Хотя официально в те годы казаков в Советском Союзе как бы и не было. Советская власть тогда не поощряла вольное казачество, и лихих парней с шашками на конях даже в станице было днем с огнем не отыскать. Растворилось тогда казачество среди людской массы. Но до времени. Так как истребить под корень казаков советской власти не удалось, как ни старалась, все равно проросли.

Мать Кондратия тоже боевой женщиной оказалась. Не только за детьми успевала присматривать, но и к торговле талант имела. Еще до замужества она стала в местном сельпо продавщицей подрабатывать, а потом и торговый техникум окончила. Гордей, склонный к большим делам, не возражал. Да так лихо у нее это получалось, что магазин в лидеры соцсоревнования выбился, а Евдокия вскоре из продавцов в директора попала. А затем второй магазин построили и третий. Росла станица, товаров нужно было много. И мать Кондратия, не прошло и пары лет, уже со всей крупной торговлей в станице

управлялась, да еще успевала на ярмарки с товаром ездить – медом и солью своего приготовления. Сестры Кондратия ей во всем помогали, да и он сам, случалось, в магазине приторговывал, если мать приказывала. И у него тоже неплохо это получалось. Умел Кондратий товар подать лицом, видно, от матери коммерческая жилка и ему передалась. В общем, шли дела. Семья у Кондратия была богатая даже по советским меркам. Всего хватало.

Когда Кондратию исполнился шестнадцать лет, он был уже крепким парнем, в котором отец желал видеть лихого казака. Научил его сызмальства Гордеич обращаться с конем. Мог Кондрат скакать на нем весь день и даже не уставал, так ему это занятие нравилось. Полюбил он коней вслед за отцом. Даже шашкой рубать научил его неугомонный Гордеич, тайно по случаю прикупив острый клинок у бывалых казаков и занимаясь с сыном вдали от людских глаз. А когда сын и джигитовку освоил, то батя его даже шутить стал. «Мол, тебе, Кондратий, хоть в цирке выступать теперь». Но в цирк Кондратий не хотел. Не по душе ему было просто веселить народ, хоть и незлобивый он по характеру получился. Вырос парень сильным, даже где-то упертым и своенравным. Как повзрослел, мать с ним перестала справляться. Любил Кондрат отстаивать правду и драться за нее, если слова кончались. Нередко с фингалами домой приходил из школы. Но не боялся. Шел до последнего. Хоть один против всех, все равно ему было. Не раз за это батя порол своего упрямого сына, но в глубине души гордился. Казак получился что надо. Этот семью в обиду не даст.

А когда Кондратий по собственному желанию пошел в секцию самбо и научился драться так, что никто ему из сверстников в станице в подметки не годился, а потом еще и чемпионом района стал, пожилой казак призадумался.

– Видать, дорога ему в служилые люди, мать, – изрек как-то Гордеич, разглядывая вымпел и медаль над кроватью сына, – я повоевал, и он себя показать должен. Такая уж судьба у казаков – служить.

В тот год началась война в Афганистане, и у советских людей появился интернациональный долг. Только никто толком еще ничего не знал о происходящем в высоких горах этой жаркой страны. Из станицы туда покамест никто не попал, из соседних тоже. Погутарить об этой войне было не с кем. Жили как жили.

Кондрат закончил школу и подался в училище, где собирался выучиться на конезаводчика и продолжить дело отца, который уже двадцать лет, как тащил

на себе колхоз и конезавод. Училище находилось в городе, и семья отрядила Кондрата во взрослую жизнь, разрешив самостоятельное проживание и снабдив деньгами. Старшие братья его работали у бати в колхозе, механизаторами. Сестры там же в станице матери помогали с торговлей. Получалось, что Кондрат один из всей семьи временно стал городским жителем. Проучившись два года в городе и сдав экзамены на пятерки, гордый собой Кондрат приехал на каникулы домой и две недели гулял, наслаждаясь общением с родней. Побывал у отца и матери на работе, вдоволь поскакал на конях, помог сестрам по хозяйству, с братьями на рыбалку съездил на дальние озера. В общем, окунулся в станичную жизнь. А вечером в последний день перед отъездом в город увидел он хмурого отца за непривычным занятием. Тот чистил двуствольное ружье, сидя на крыльце большого дома. Шашка дома была давно, ружье тоже. Но если шашкой они оба любили помахать, то двустволку отец при нем доставал впервые.

– Это ты зачем, батя? – удивился Кондрат, уже отпустивший усы. – На уток что ли собрался на старости лет.

Помолчал отец, потом смерил взглядом сына и, видимо, решив, что тот уже достаточно взрослый, пояснил:

– Это, сынок, чтобы семью от плохих людей защитить.

– Да ты что, батя, – удивился Кондрат, присаживаясь рядом, – откуда у нас в станице плохие люди?

– Не одна наша станица на земле, сынок, – терпеливо пояснил Лев Гордеич, виски которого уже посеребрила седина, – на белом свете всякой падали хватает, окромя добрых людей. Слыхал про татар, что конями в соседнем районе торгуют?

– Слыхал, – припомнил Кондрат, – это те бандиты, что даже цыган обворовать умудрились да под себя подмять? Говорят, за ними темные дела тянутся.

– Они, – кивнул старый казак, – тамошний председатель под этими бандитами давно сидит. Вот и ко мне они приходили. Уже полгода вокруг конезавода круги нарезают, хотят к рукам прибрать. Деньги предлагаю, очень много денег, сынок. Наши кони знатные, дорого стоят.

– Да как же так, батя, – возмутился Кондрат, – а милиция? А советская власть куда смотрит?

– Мал ты еще, сынок, – пожурил своего великовозрастного отпрыска Гордеич, горько ухмыльнувшись, – не понять тебе еще, что советская власть-то она есть. Я вроде и сам советская власть. Могу наградить, могу наказать. Но у меня все по закону. Взяток не беру, людей своих защищаю. А под ровной поверхностью в этом тихом омуте, паря, такие черти водятся, что тебе лучше и не знать пока. Загрызут и не поперхнутся. Вон председатель в соседнем районе уж на что партийный, а и то под бандитов этих лег, паскуда. Татарва эта на нож поднимает быстро. Тех, кто им перечил, уже закопали в чистом поле. Говорят, милиция им тоже не указ, или вообще заодно. В тех районах, что рядом с нашим, уже все председатели под ними. Никто не пикнет, – за семью боятся.

– Да пошли ты их, батя, этих чертей, – решительно выступил Кондрат, сжав кулаки, – если что, соберем людей, оружие возьмем. Отстоим колхоз и без милиции.

– Восстание затеять хочешь, Кондратий? – усмехнулся Гордеич. – Обожди. Я их послов уже пять раз с лестницы спускал. А сегодня сам главарь ко мне заявился. Я и его спустил, наказав, чтобы больше здесь не появлялся. Мы – люди вольные.

Помолчал старый казак Гордеич и добавил вполголоса:

– Так что, даст бог, не увижу их больше.

Потом обернулся к сыну и наказал:

– А ты, как учебу закончишь, приезжай, матери и сестрам помоги. Нужен будешь.

– Само собой, батя, – рассмеялся Кондрат и подмигнул, – если кого побить надо будет, зови на подмогу, враз прилечу.

На следующее утро он уехал. А через пару месяцев посреди ночи его разбудила вахтерша общежития.

– Иди к телефону, сынок, стряслось что-то у тебя дома.

Кондрат, как был в трусах, надел тапки и добрел до вахты, не понимая, что такого могло случиться дома, чтобы ему позвонили посреди ночи. На том конец провода он услышал глухой голос своего престарелого дяди Харитона.

– Беда, Кондрат. Приезжай срочно. Еще, может, застанешь кого, пока не похоронят.

Кондрата как обухом по голове ударило. Словно во хмелю, он оделся, взял деньги, поймал на дороге машину, что шла в сторону дома, и уехал в станицу.

То, что увидел, приблизившись на рассвете к своему жилищу, он не мог себе даже представить. Залитый пеной и сгоревший наполовину большой дом еще дымился, шипя тлеющими головешками, словно раненая змея. Его едва успели потушить. Пожарные возились рядом со шлангами. Кругом толпились причитавшие соседи. У входа в уцелевшую часть дома стоял участковый, незнакомый Кондратию, и дядя Харитон, руки которого тряслись.

– Не ходи туда, сынок… – попытался остановить он племянника, едва приметив, – нет их больше… Никого.

Участковый пристально оглядел его с ног до головы и уточнил:

– Ты Кондрат?

И увидев кивок, пробормотал, глядя на побелевшее лицо парня:

– Криминалисты еще не приехали, не стоит тебе там топтаться…

– Пусть войдет, Григорий, – вдруг изменил свое мнение и попросил участкового Харитон, – он уже взрослый.

Милиционер не стал ему мешать, однако шепнул Харитону:

– Зря ты это. Тронется умом парнишка.

– Мне надо… – только и сказал Кондрат, шагнув в полуразрушенное помещение. Но, сделав шаг, остановился как вкопанный, вскрикнув от ужаса.

Уже на пороге он чуть не споткнулся о чьи-то тела. На залитом пеной и кровью полу увидел двух мертвых людей. Обгорели они не сильно, но были ему незнакомы. Лица их, впрочем, были неразличимы и представляли собой одно сплошное кровавое месиво, словно кто-то выстрелил им дробью в лицо. В центре горницы лежало обгоревшее тело матери, Кондрат едва опознал ее по разорванному платью. Чуть в стороне, на мокрых и обгорелых останках кровати лежали трупы сестер в разодранной одежде и без нижнего белья. Они явно были изнасилованы перед смертью. Рядом на полу с рассеченной топором головой и изуродованным лицом валялся один из его братьев. Ему даже отрубили кисти рук, торчавших теперь в стороны окровавленными культями. «Видимо, за то, что сопротивлялся», – как-то отстраненно подумал Кондрат, мысли которого звенели колокольным звоном в опустевшей голове. Второго брата он нашел на кухне. Тело его почти полностью сгорело, оголив кости и пустые глазницы черепа.

Найдя в себе силы сдвинуться с места, кашляя от дыма, Кондрат прошел дальше и обнаружил отца. Старый казак лежал на ступенях крыльца, которое вело во двор. Рядом валялась сломанная и обгорелая двустволка. Лицо его было иссечено так, что живого места не осталось. Глаз не было. Живот вспорот и прямо из огромной раны торчала знакомая шашка, оставленная явно в назидание. Отец обгорел не сильно, еще можно было разглядеть его седые волосы.

В душе у Кондрата вдруг стало невыносимо холодно. Он разом успокоился, словно все страхи и боль покинули его. Сел рядом с телом отца на корточки посреди пепелища, и, глядя перед собой сквозь дым, тихо произнес:

– Я отомщу, батя. За вас всех.

Затем он встал и, не обращая внимания на вопросы дяди Харитона и милиционера, что-то пытавшихся сказать ему, ушел из дома в ночь.

Глава седьмая

Мститель

Бродил до утра, где, не помнил, а потом все же вернулся в дом к дяде. Больше жить ему было негде. Молчаливый Харитон определил парнишке угол и дал ему время опомниться. После похорон Кондрат так и пролежал неделю, уткнувшись лбом в стену. Даже водки не пил. До тех пор пока не пришел милиционер с известием, что нападавших найти не удалось, но ищут и когда-нибудь обязательно найдут.

Первого татарина из банды Кондратий убил через две недели. Друзья помогли да добрые люди, уже давно притесняемые этими отморозками. Выследил на ярмарке в соседнем районе, где тот торговал отобранными у разных владельцев конями. Подождал, пока расстанется с компанией друзей, проводил до дома и прямо на пороге сломал ему шею. Быстро и без колебаний. Не зря чемпионом района когда-то стал. Кондрат даже не боялся, что его заметят, поскольку не убийство творил, а месть. Голова была холодной. Тело беспрекословно подчинялось приказам. Напал из темноты на расслабленного бандита – бросок, захват горла, рывок, хруст позвонков и обмякшее безжизненное тело уже валялось в пыли, рассыпав из кармана наторгованные деньги. А вокруг мирно стрекотали кузнечики и одиноко горела лампа вдали на столбе. К счастью, никого не было в тот час рядом с домом. В этих местах добрые люди по вечерам не выходили на улицу, особенно девчата, боялись грабежей да насилия.

Жить домой к Харитону Кондрат уже не вернулся, сказав, что нужно на учебу возвращаться. И действительно вернулся в город, вновь поселившись в общежитии. Но, вместо учебы, он собрал ватагу из верных друзей и стал выслеживать остальных убийц своей семьи. Другой цели в жизни он больше не видел и решил, что пойдет до конца. Успокоится лишь тогда, когда последний татарин из банды ляжет в землю. А друзья, ставшие свидетелями убийства семьи Кондрата, были ему преданы. У самих родня пострадала, хоть и не так жестоко.

Милиция между тем никого из банды, известной на всю округу, так и не нашла. То ли следов в обгоревшем доме обнаружить не смогла, то ли на самом деле была куплена местным «ханом». Кондрат разбираться не стал и надеяться на справедливый суд тоже. Ему стало все равно, что будет с ним. В сердце поселился лютый холод, который не пропал со смертью первого бандита.

Друзья верные тайно помогали ему не хуже милиции, и вскоре он вышел на след еще одного участника ночного налета. Как оказалось, тот продавал наркотики. А банда, помимо коней, торговала адским зельем, разрушив не одну семью в станице, и даже до города добралась, где желающих пристраститься к наркоте было гораздо больше. Проживая без родителей, молодежь часто позволяла себе лишнее. В своей общаге Кондратий не раз встречал таких обкуренных и наширявшихся подростков, но тогда он не интересовался, откуда они берут зелье. Просто бил по морде, если сильно досаждали или приставали к девчонкам.

Узнав о связи бандитов с наркотиками, Кондрат решил прикинуться наркоманом. Благо возраст позволял – с виду молодой парнишка, неопытный еще, желающий в жизни попробовать все, включая запретные развлечения. А то, что здоровый с виду, так это поначалу у всех бывает. Раз попробовал наркоту – и прощай, здоровье. Те, кому он бил морду, ясное дело, помогать не стали бы. Но Кондрат нашел других торчков и уговорил устроить ему встречу с нужным человеком. Даже денег немного дал, для приманки. И ему назначили встречу.

После первого случая домой к дяде заходил участковый, навести справки насчет Кондратия, где был, что делал. Кондрат надеялся, что татары о нем еще не проведали, и продолжал свои приготовления. Но, даже если и так, то последний выживший казак из рода непокорного Гордея не собирался останавливаться, пока не уничтожит всю банду. Сколько бы лет ему на это ни понадобилось.

Дядя, помогавший ему деньгами, после того случая опять ближе к ночи позвонил в общежитие и спокойно, не задавая лишних вопросов, сообщил:

– Участковому я сказал, что ты у меня был в ту ночь. Сам смекай, что к чему. И на рожон зря не лезь, паря.

– Не беспокойся, дядя Харитон, – бесцветным голосом ответил Кондратий, покосившись на стоявшую рядом вахтершу, – у меня все в порядке. Учусь помаленьку. Спасибо.

И положил трубку.

Это было правдой. До выпускных экзаменов ему оставалось не больше месяца. Он постоянно пропадал в разъездах, прогуливал занятия и нахватал кучу

хвостов. Ему уже не раз «ставили на вид». Того и гляди могли отчислить в паре шагов от диплома. Приходилось напрягаться, чтобы хоть как-то изображать учебу и не привлекать к себе лишнего внимания. Но отказываться от задуманного Кондрат не собирался. Даже несмотря на то что на днях получил повестку явиться в военкомат. Ему уже стукнуло восемнадцать, и советская армия напомнила о священном долге перед родиной. Но ему пока было не до армии.

Наконец, в одной из узких и грязных подсобок городского рынка ближе к вечеру пятницы он встретился с продавцом счастья. Как оказалось, тот пришел на встречу не один. Когда Кондрат, нагнувшись, шагнул в полутемное помещение с узким окошком и второй дверью, выходившей на заваленный ящиками двор, он увидел двоих бородатых мужиков восточной внешности. Они сидели за грязным столом, натянув кепки на глаза, нездоровый хищный блеск которых скрыть было трудно. Похоже, продавцы, несмотря на расхожее мнение, сами употребляли товар.

– Я от Гарика, – произнес пароль Кондрат, присаживаясь к столу.

– Гарик сказал, что ты счастьем интересуешься? – спросил один из продавцов, ухмыльнувшись и показав два золотых зуба.

– Интересуюсь, – кивнул Кондрат и добавил, изображая нетерпение: – А у вас есть?

– Счастье бесплатным не бывает.

Кондрат полез в карман, заметив, как напряглись оба, и швырнул на стол смятую купюру.

– А ты и правда счастья хочешь, – всплеснул руками продавец, быстро сгребая деньги и на этот раз широко улыбнулся, вновь сверкнув зубами в полумраке.

Второй бородач встал у двери во двор, преградив выход. Но при этом немного расслабился, как отметил наметанным взором Кондратий, – сделка началась хорошо. А тот, что говорил с ним, полез под стол и вытащил оттуда небольшой холщовый мешочек.

– Посмотри, брат, что у меня есть. Тебе будет хорошо.

– Уже не будет, вы отняли у меня всё, – произнес Кондрат и нанес удар ногой под столом по табуретке.

Татарин рухнул вниз, ударившись затылком о кирпичную стену. Кондрат резко опрокинул на него стол и сразу бросился на второго. Не ожидавший такого поворота боец все же успел среагировать и вытащить нож, но промахнулся. Лезвие прошло мимо плеча нырнувшего под руку Кондрата. Захват, удар коленом в пах, еще удар, треск ломаемого ребра. Удар локтем в горло, и с предсмертным хрипом татарин сполз по стене, испустив дух. Первый бой в узком помещении закончился быстро.

– Ты на кого бросаешься, щенок, – отплевываясь от грязной соломы, попавшей в рот, прошипел второй, выбираясь из-за опрокинутого стола тоже с ножом в руках, – ты чего, уже ширнулся или ломает?

– Я буду вас убивать, пока не передавлю всех, падаль, – выдавил из себя Кондрат, перед глазами которого пронеслись растерзанные тела его семьи, – сейчас ты сдохнешь, как собака.

В глазах татарина вдруг мелькнула догадка.

– А… ты тот щенок, что выжил после казни, – бандит перекинул нож в другую руку и опять ухмыльнулся, – тогда тебе повезло, что не было дома. Но знай, твоя сестра визжала, когда я ее трахал, а потом резал. И мать тоже. Сейчас я и тебя кончу. Все ваше семя должно исчезнуть. Так приказал…

Он не договорил. Кондрат бросился вперед и нанес удар ногой в грудь. Татарин вновь отлетел к стене, но на этот раз не упал и ножа не выпустил. Выставив клинок вперед, он сам метнулся на рискнувшего напасть подростка. Татарин хоть и был невысоким, но коренастым и сильным мужиком. Кондрата это не впечатлило. Ярость наделила его могучей силой, а голова ему никогда не отказывала. Он перехватил руку с клинком и швырнул нападавшего через бедро. Татарин растянулся на бетонном полу. Завладев оружием, Кондрат не раздумывая воткнул его в пах и резко потянул на себя, вспарывая живот. Татарин взвыл, откатился в угол, пытаясь зажать рукой рану. Кровь хлынула ручьем, кишки полезли наружу. Татарин хрипя попытался сеть, привалившись

спиной к стене. Кондрат ему не мешал. Он спокойно сидел рядом до тех пор, пока убийца его семьи не истек кровью, и смотрел в полные ужаса глаза насильника. Лишь когда последний огонек потух в этих диких глазах, Кондрат встал и спокойно вышел на темный уже двор, забрав с собой нож, завернутый в тряпку. По дороге в сумерках он выкинул его в речку, подальше от моста, так чтобы не нашли. Нельзя было ему садиться в тюрьму, пока больше половины банды гуляло на свободе, включая главаря. А потом хоть трава не расти.

Четвертый труп нашли, когда он сдавал выпускные. Еле успел к экзамену с ночной поездки и старательно прятал за пазухой расквашенный кулак: очередного татарина он замесил в котлету на заднем дворе конезавода, у которого недавно объявился новый хозяин. Хотел и самого хозяина кончить, но тот был хитрый и ходил с большой охраной. Особенно после того, как стали находить его людей мертвыми. В тот раз хозяин вместе с охраной уехал раньше, а Кондрат, провожавший взглядом его «Волгу» из засады, впервые пожалел, что не обзавелся огнестрельным оружием. К хозяину так просто было не подобраться.

После четвертого трупа по станице поползли упорные слухи. И друзья на очередном тайном сборе стали намекать Кондрату, что надо притихнуть на время.

– Татары догадываются, что это твоих рук дело, – предупредил его друг Тарас, мать которого работала в конторе соседнего колхоза и случайно услышала разговор председателя по телефону, – того и гляди за тобой явятся. Да и милиция всполошилась. К дяде твоему постоянно заглядывают, скоро тебя допрашивать начнут. Участковый, конечно, мужик с пониманием, тормозит дело. Но четырех жмуриков просто так не спрячешь.

– В моей семье людей было больше, – зло заметил Кондратий, – и никого не стали искать.

– Да вроде ищут, – попытался возразить Тарас, – к хозяину этому и к председателю соседнего колхоза тоже следователи наведывались. Потрясли их немного. Да там люди с деньгами, откупились, видать, пока.

– Может, и ищут, – кивнул Кондратий, – а что толку? Сам же говоришь, все куплено.

– По-любому, Кондрат, – заявил Тарас, глядя ему прямо в глаза, – остановиться тебе надо. На годик уехать куда. Пусть все поуляжется. А потом…

– Вот и Харитон то же самое говорит, – кивнул уныло Кондрат, – намекает… да еще армия эта. Повестка пришла.

– Армия? – вскинулся Тарас. – А это вариант. Иди, сдавайся по-быстрому. И просись куда подальше. Отсидишься там пару лет. Про тебя тут все забудут. И менты, и татары. Вернешься и закончишь, что начал. А мы не выдадим, да следить будем до срока.

Всю ночь Кондратий думал и к рассвету принял решение. А наутро явился в военкомат, предъявил повестку и попросился в самый дальний регион нашей необъятной родины. А таких на карте СССР было немало.

Военком немного удивился, но посмотрел с пониманием и, усмехнувшись, спросил:

– Что, жениться не хочешь?

Кондрат молча смотрел на стол.

– Ладно, – кивнул военком, – есть одна команда, уходит раньше остальных. Готов послужить родине, говоришь? Тогда собирай пожитки, гуляй отвальную и через неделю в семь утра на сборном пункте. Поедешь в жаркие страны.

Кондрату было все равно куда, лишь бы побыстрее. Спустя неделю, выпив на прощанье с друзьями и обнявшись с дядей Харитоном, смотревшим на него с пониманием, он направился на сборный пункт. Харитон долго не отпускал его из дома, словно заранее знал, куда направят Кондрата.

– Служи, казак, – сказал он, прижимая сухими руками к груди коренастого племянника, – все веселее, чем здесь. И береги себя, один ты у меня остался.

Через несколько дней обритый почти наголо Кондратий оказался в Туркменистане. В мотострелковой дивизии пехотинцем. Пока проходил «Курс молодого бойца», бегал кроссы с автоматом и полной выкладке, садил из

«калаша» по мишеням и кричал «Ура» в учебной атаке на полигоне, прошел целый год. Кондратий, втянувшись в службу, часто даже забывал о своем горе. Но стоило лишь получить небольшую передышку, как обожженные тела сестер, матери, братьев и отца вновь вставали перед глазами и требовали отмщения, болью отзываясь в омертвелом сердце.

Все это время его родная дивизия бурлила. В ней постоянно что-то менялось, проходило доукомплектование, прибывала солдатская молодежь, новые офицеры, количество БМП увеличилось настолько, что не успевали готовить механиков-водителей. Дураку было ясно, что скоро последует приказ.

Несмотря на всю секретность, каждый солдат этой мотострелковой дивизии ТуркВО знал о той мясорубке, что шла за недалекой границей с Демократической Республикой Афганистан, населенной, по слухам, отсталыми бедуинами. Однако эти бедуины, которых полагалось раздолбать за несколько месяцев всей мощью СССР, почему-то отказывались сдаваться быстро и без боя. Уже потянулись туда через ближайший аэродром самолеты с припасами, а обратно с «грузом-200». Быстрая операция затягивалась. А вскоре последовал и приказ, согласно которому младший сержант Зарубин, командир отделения, перешел на броне границу у населенного пункта под названием Кушка и оказался вместе со своим полком в окрестностях афганского города Герат.

Здесь он впервые узнал, что такое война. Их полк поначалу нес караульную службу у базы советских солдат, охраняя склады ГСМ, аэродром и сопровождая караваны. Но после активизации «духов», особенно в последние полгода службы, когда ему до дембеля оставалось всего несколько месяцев, мотострелков стали привлекать к налетам на укрепрайоны моджахедов. И тогда он впервые увидел, как воюет спецназ. На смерть своих товарищей, погибавших при обстрелах колонн бронетехники душманами, он уже насмотрелся. Успел и сам подстрелить из автомата нескольких духов. Но то была война позиционная, всем фронтом. Стенка на стенку, кто выживет, тот и победил. В большинстве случаев погибали мотострелки, поскольку хитрожопые афганцы уходили от прямого столкновения с нашей доблестной армией и долбили ее из засады гранатометами и крупнокалиберными пулеметами, подрывали БМП на минах. А, сделав свое дело, растворялись в горах. За полгода эти «необученные пастухи» выбили из строя половину всех машин в полку.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Пороки – камнеметные орудия, катапульты.

2

«Повесть о разорении Рязани Батыем» ошибочно называет рязанского князя Юрия Ингваревичем. У него был старший брат – Ингварь Игоревич. По одной из версий – погибший в 1235 году, еще до нашествия Батыя. Однако подтверждающих это фактов нет. Согласно той же «Повести» именно с Ингварем Игоревичем Евпатий Коловрат находился в Чернигове в момент нападения врагов на Рязань уже в 1237 году.

Но сам Ингварь также иногда упоминается в источниках с отчеством Ингваревич. Существует известная историкам проблема – был ли у Ингваря Игоревича сын Ингварь Ингваревич? Является ли Ингварь Игоревич одним лицом с приписываемым ему сыном, который часто упоминается в связи с событиями в 1237 году? По мнению большинства исследователей, здесь имеет место «династический фантом». Большинство историков «сына» Ингваря Ингваревича либо не признаёт, либо отождествляет с его отцом.

Учитывая все вышесказанное, в данном романе оба князя, Юрий и Ингварь, носят отчество Игоревичи.

3

БМП-2 – советская и российская гусеничная боевая машина пехоты, предназначенная для транспортировки личного состава армии к переднему краю, повышения мобильности, вооружённости и защищённости пехотинцев на поле боя.

4

334-й Отдельный отряд специального назначения ГРУ – реально существовавшее боевое подразделение спецназа ГРУ, одно из лучших в Афганистане, покрывшее себя славой в боях против моджахедов провинции Кунар. Однако все имена офицеров и солдат, а также детали боевых операций изменены автором романа и никакого отношения к реальности не имеют. Все совпадения случайны.

5

АГС-17 «Пламя» – 30-мм автоматический станковый гранатомёт.

6

Обувь всегда была «больным вопросом» для советских спецназовцев в Афганистане. Они часто носили хромовые парадно-выходные ботинки, но не от красивой жизни, а потому что снашивали по 2–3 комплектам обуви за год, тогда как норма была всего лишь 1 комплект на 8 месяцев. Именно поэтому спецназовцы, когда могли, заменяли ботинки прочными отечественными кроссовками «Кимры», купленными в Военторге, или даже захваченными у моджахедов трофейными ботинками. Руководство смотрело на такие вольности

сквозь пальцы, оправдывая это результативными действиями спецназа.

7

Практически полное отсутствие единообразия формы одежды у спецназа в Афганистане вызывало постоянную критику со стороны вышестоящего командования.

8

В каждую группу спецназа включались 2–3 радиста с широким набором радиосредств. В данном случае разведчиков снабдили следующими средствами радиосвязи: Р-159 – являлась штатной радиостанцией ком. УКВ-радиостанция «Сокол» (Р-392) – для связи внутри разведгрупп. УКВ-радиостанция «Ромашка» – служила для обеспечения двухсторонней симплексной связи с патрульными самолетами и вертолетами.

9

СВД. Снайперская винтовка Драгунова – самозарядная снайперская винтовка калибра 7,62-мм, разработанная в 1957–1963 годах группой конструкторов под руководством Евгения Драгунова.

10

ДШКМ – Дегтярев-Шпагин крупнокалиберный модернизированный пулемет.

11

НСВ «Утёс» – советский 12,7-мм крупнокалиберный пулемёт, предназначенный для борьбы с легкобронированными целями и огневыми средствами, для уничтожения живой силы противника и поражения воздушных целей. Был снабжен оптическим прицелом.

12

ПТУРС «Конкурс» – советский противотанковый ракетный комплекс. Предназначен для поражения танков, инженерных и фортификационных сооружений.

13

РПГ-18 «Муха» – советская реактивная противотанковая граната, разработанная в начале 1970-х годов и принятая на вооружение Советской армии в 1972 году. Прицельная дальность 200 метров.

14

Военнослужащих ограниченного контингента снабжали сигаретами без фильтра «Луч» или «Охотничьи». Сигареты «Охотничьи» за крепость табака и рисунок на пачке сигарет – охотник стреляет в уток – бойцы переименовали в «Смерть на болоте».

15

Туркестанский военный округ (ТуркВО) – в данном случае, формирование Вооружённых Сил СССР на территории Средней Азии и Казахстана в период с 1945 по 1992 год.

16

Шурави – так называли местные жители военнослужащих Советской армии времен войны в Афганистане (1979–1989).

17

РГД-5 (ручная граната дистанционная, модификация-5) – советская наступательная ручная граната, относится к противопехотным осколочным ручным гранатам дистанционного действия наступательного типа.

18

ОЗМ-72 – осколочная заградительная противопехотная выпрыгивающая мина кругового поражения. Название на армейском жаргоне – «Ведьма».

19

Знаменитое «Булавинское восстание» (казацкое восстание 1707–1708 годов) началось с запрета Петра I казакам самостоятельно добывать соль и

ультиматума – выдать с Дона беглых крепостных крестьян. Оба эти требования категорически противоречили укладу «казацкой жизни» – соль была основным доходом самостоятельного Войска Донского, а беглые пополняли его численность.

6 июля 1707 года Пётр I издал указ о сыске беглых в донских городках. Ответственным был назначен Юрий Долгоруков. В сентябре Долгоруков во главе отряда прибыл в Черкасск и начал рейд по казачьим поселениям Верхнего Дона, жестоко подавляя неповиновение. Вскоре восставшие казаки под предводительством бахмутского атамана Кондратия Булавина напали и полностью разгромили отряд князя Долгорукого. По предположению историка Соловьева, отсюда пошло народное выражение – «Хватил Кондратий» или «кондрашка хватил».

20

Все события, происходившие в станице Старочеркасская, придуманы, а совпадения с реальными жителями случайны.

Купить: https://tellnovel.com/zhivoy_aleksey/kolovrat-znamenie

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити